

The background of the cover is a reproduction of the painting 'The Starry Night' by Vincent van Gogh. It features a turbulent, swirling night sky with bright yellow stars and a crescent moon, reflected in the dark, choppy water of a harbor. In the foreground, a dark, silhouetted cypress tree stands on the left, and a small village with a prominent church spire is visible in the distance.

Елена Асеева

**Коло Жизни.
Зачин**

Том первый

Елена Асеева

Коло Жизни. Зачин. Том первый

«Издательские решения»

2015

Асеева Е. А.

Коло Жизни. Зачин. Том первый / Е. А. Асеева — «Издательские решения», 2015

Альтернативная история развития не только человечества, планеты Земля, Солнечной системы, но и обобщенно галактики «Млечный Путь» представлена в тетралогии «Коло Жизни». Книга первая произведения «Коло Жизни. Зачин» описывает возникновение людей на Земле и является прологом к последующему развитию самой планеты, человеческого общества на ней при непосредственном участии высших сил.

© Асеева Е. А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	28
Глава пятая	37
Глава шестая	43
Глава седьмая	47
Глава восьмая	53
Глава девятая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Коло Жизни. Зачин
Том первый
Елена Александровна Асеева

*«Если вы думаете, что сможете – вы сможете, если думаете, что
нет – вы правы»*
Мао Цзэдун

© Елена Александровна Асеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие

Порой все начинается столь нелепо и странно, что сразу и не понять – это наступил новый этап в твоей судьбе. Новое, непознанное и еще неосмысленное. Однако оно уже возникло, уже потекло, поехало, а быть может, лишь неспешно поползло.

Подчас ты даже не замечаешь этих изменений. Подчас вспять чувствуешь их скорый бег, потому что начали они свой ход с боли. С той самой боли от каковой нет возможности схорониться... от каковой тягостно дышать... от каковой застланы глаза слезами, а в груди быстро-быстро, точно жажда треснуть, как переспевший арбуз, бьется твое красное сердце...

Оно еще бьется... еще стучит... подает признаки жизни и именно поэтому тебе покуда больно!.. И именно поэтому ты понимаешь, что еще существуешь, как целостная личность... как – Я!

И боль та не всегда вызвана моральными или физическими страданиями, она тоже совсем иная... такая же новая и дотоль непознанная... какая-то необъяснимая, или, что ещё сложнее, не доступная твоему пониманию.

Про меня же можно сказать просто: «Новое – это хорошо забытое старое».

Однозначно – это мой случай.

И боль моя, физическая ль... нравственная ль... или какая-то необъяснимая, эта хорошо забытые переживания и ощущения, прошлые обиды и недосказанности, возвернувшиеся ко мне в настоящий момент.

Только прежде чем понять их тайный смысл я должна была пройти этот путь, вновь пережить те события и только после осознать их важность.

Если представлять себе летопись моей жизни, то предисловие было бы таким – и вначале появилась боль!

Да, сперва у меня стала побаливать голова.

В основном по утрам.

Вскоре после пробуждения я стала ощущать не сильную, однако весьма неприятную давящую боль в голове. Она без сомнения была терпимой, и возможно, я не обратила бы на нее никакого внимания... если б чуть позднее к той боли не добавилась шаткость походки. Шаткость, нетвердость, словно я перебрала вчера чего-то, потому и не держат меня ноги. Легкое головокружение, и очень редкий, но достаточно ощутимый шум в ушах.

Мне, надо было сходить к врачу, именно тогда, но...

Это, но все и перевернуло...

Вне всяких сомнений это к лучшему... так погода думала я... так еще вначале болезни, сказывал мой муж.

Хотя не уговоры мужа предопределили мое поведение, а загруженность семьей, обязанностями. Занятость сменяющимися днями, неделями или, что еще будет точнее месяцами да годами... Годами бесконечного движения... хода жизни, или, как тогда я мыслила, только обмылков... обмылков этого существования.

Утром я поднималась с постели кормила своего дорогого и долгожданного сына; и принималась за работу... поколь лишь по дому...

Спешила...

Я часто спешила, точно боялась не успеть обратиться в квартире, постирать, погладить, погулять с малышом... Я спешила не нарушить ритм этого, настроенного на какую-то определенную программу, заложенную генетически, а быть может токмо внедренную нам с молоком матери, общества, государства, континента, планеты.

Торопливо проскальзывал мимо меня до верхов наполненный делами день... неделя... месяц... год... И вновь повторялся круг... порой в него вмешивалось, что-то иное... к примеру, как сейчас рождение сына...

Впрочем, я была такой не одна.

Этот замкнутый круг, проживали все люди планеты Земля, а выбивались из него только некие – те самые которые умирали.

Я думала об этом слишком часто... хотя была вроде бы как все... внешне... внутренне...

Нет! Нет! Еще до боли я уже знала, ощущала себя другой... отличной от тех кто жил, ходил, дышал округ меня...

Боль?! она не просто приволокла на своей спине ощущение собственной уникальности, она притянула с собой осмысление этой разности... Отчего любой другой мог бы тронуться умом, но только не я!

Я – ступающая к вечной жизни?!

Глава первая

В безбрежной по времени и пространству, многоликой по формам и видам Вселенной, созданной как и все в материальном мире Всевышним, пробирался точно червь в плотной почве земли, длинный, изогнуто-подвижный космический аппарат. Ничем не отличимые от простых дождевых червей сегменты его тела, составляли стеклянные блоки корпуса, а короткие ножки, расположенные на них, словно щетинки ощупывали пространство вокруг себя. Само судно смотрелось весьма затейливым и каждый сегмент в нем, сотворенный из прозрачного стекла и светящийся изнутри мощными серебристыми поперечинами связывал промеж себя весь корпус и сами блоки. В этих местах он был гибок и отличался особой подвижностью. Извиваясь, один-в-один, как выше оговоренное создание, космический червяк с трудом пробивался в той напитанной черной мглистостью Вселенной. Лишь иноредь она была озаряема витиеватыми скрученными Галактиками напоминающими очаги из каковых точно вырвались языки пламени; мудреные двенадцатилучевые кресты; слегка загнутые по кругу исходящие из одного центра четырехлучевые иль семилучевые, движущиеся по часовой стрелке, а порой супротив неё, дымчатые полосы; спиралевидные туманности. И все эти плавно изгибающиеся огромные в размахе парящие, горящие материи незримо перемещались, струились внутри своих каких-то размытых, нечетких границ. В мареве тумана блистали искорками света звезды, системы, проскальзывали хвостатые кометы, метеориты иль размазанные пояса астероидов, слившихся в единую черту. Неясно дрожали черные дыры и трепетали межзвездные газы али и вовсе мельчайшие частички пыли.

Космический червяк также блекло вспыхивал светом, пробивающимся сквозь стеклянные его стены, а быть может это отпечатывались в его корпусе блики огней посылаемой странной по форме, неизведанной Галактикой... Или сие отражалась в его поверхности пожираемая густым красным огнем покинутая система с большущей звездой в центре и семью планетами, кружащими подле нее по заданным орбитам. Светозарный луч вырвавшийся из хвоста червя допрежь того ударил в покидаемую систему небесных тел, резко вклинившись то ли в самую ярчайшую звезду, то ли в третью от нее планету, все еще медленно движущуюся недалече. Не было слышно никакого звука в том без крайнем пространстве, однако четко созерцалось, как закачалась из стороны в сторону и сама звезда, и планеты обок нее. А после также внезапно их вялотекущее следование застопорилось. На морг, ход жизни, похоже, замер и во всей Галактике, и во всей Вселенной, засим звезда энергично начала пульсировать, будто кто-то желал из нее выйти, разорвав при этом ее плотную оболочку или тонкие стенки. Еще миг того трепыхания и звезда треснула по кругу, по её полыхающему огнем поверхностному слою прошла широкая чёрная полоса... и вmale она лучезарно вздрогнув распалась на мельчайшее крошево. Из недр звезды неисчерпаемых, бездонных аль вспять незначительных, неглубоких вырвалось ярчайшее рыже-кумачное пламя и немедля накинuloсь на следующие по коло вдоль нее планеты, спутники, кометы, пояс астероидов, стремительно поглотив все то межсистемное пространство. Теперь не больше доли секунд, и пламя уменьшилось в размахе, подобно затухающему костру осело, впитавшись в чуть зримую, не больше просеянного зернышка, светозарную точку. А потом кроха снова замерцала лучистым голубым светом, да только более околот нее не кружили планеты, их спутники, метеорные тела и космическая пыль. Та крошечная крупинка вроде повисла на одном из лучей своей коловращающейся Галактики, в созвездии чем-то напоминающим льва, по-видимому, пожрав и переварив своих некогда бывших младших товарищей.

А космический аппарат меж тем уползал прочь от уничтоженной им системы, от той измененной до лучших времен Галактики.

Увы! Так всегда, кто-то управляет, хозяйствует и изменяет в этом Мироздании все по предоставленному ему праву и царствующим в нем идеалам. А кто-то остается жалким оружием, подобием растения, животного... крохой, которая не в силах, что-либо исправить, избежать выпадающей на его долю участи, без возможности даже просто от нее... от этой доли, участи, судьбины убежать.

Да, увы! даже без права убежать от нее!

И то благо еще, если тот, кто управляет по своему естеству высоконравственное существо... хуже, если этот кто-то всего-навсего жалкое подобие человека.

Червяк тем временем полз так неспешно, будто пробивался сквозь тугой слой земли, схороненный в преглубоких дебрях почвы, величаемый космосом. Пожалуй, что полз... медленно... медленно, преодолевая космогонические, недоступные нашему пониманию расстояния.

А может статься, он летел со скоростью света, звука или вернее молвить со скоростью мысли.

Неожиданно корабль перестал двигаться, замерев и вовсе на мгновение пред круглой загнутой по спирали голубо-серебристой жерловине в своем центре смотрящейся бесконечно глубокой. Ее чуть отступающие друг от друга тонкими рукавами края постепенно наполнялись черным цветом, словно ограничивая той тьмой весь рубеж. Вкруг же белой дыры витали плотными туманами кучные, красные, сбрызнутые межзвездным газом и пылью облака, кое-где точно пухнувшее объемное тело выпускающие из себя сжатые наполненные изнутри паром пузыри, каковые не то, чтобы лопались, а вроде как расходились по поверхности того марева. Сами же кучные облака, озаряющие пространство промеж себя алым светом, также неспешно, понижая яркость сияния и тучность испарений, переплетались с сине-марной поверхностью Галактики.

Еще совсем немного и слегка округлая голова космического судна будто нырнула в голубо-серебристую жерловину, вельми скоро схоронив в той бесконечной глубине все свое состоящее из сегментов тело. Жерловина, кажется, не просто втянула в себя червя, она полностью поглотила весь его собранный из стеклянных блоков корпус, вместе с короткими ножками, дотоль небрежно ощупывающих пространство. Тьма... густая с фиолетовыми испарениями, проступающими поверх нее, закружила подле рубежа голубо-серебристой жерловины, прощаясь с самим червем и теми, кто был внутри него...

Впрочем прощалась с судном лишь эта Галактика... лишь этот край чреваточины, словно коридор имеющий не только проход, но и вход, и выход.

Посему какое-то время спустя космический червяк, схоронившийся в безмерной жерловине, выскочил... выполз, словом появился в какой-то иной Галактике. Высунув из такой же голубо-серебристой дыры сначала свое округлое навершие, а после и весь стеклянно собранный из блоков корпус. Теперь пред червем предстала Галактика имеющая форму загнутых по спирали четырех довольно ярко светящихся полос, в коих просматривалось бесчисленное множество звезд. Их густота была так обильна, вроде пролитого молока, мерцающая едиными, ровными, беловатыми полотнищами. В центре этой новой для судна Галактики выделялось светозарное укрупнение, подобно собранному вкупе несметному числу звезд. В том укрупнении, центре или ядре помимо звезд созерцался еще более насыщенный источник и светящийся газ. Туманы, газы, пыль, звезды, планеты, кометы кружили в замкнутом пространстве, подчиняясь неведомым, недоступным нашему пониманию Законам Бытия. Они кружили, витали, двигались и существовали в Галактике получившей величание Млечный Путь, точно от пролитого в том месте величественного вселенского света.

Млечный Путь, помещенный в огромное туманное облако, где основная масса звёзд расположенная в форме плоского диска, имел в середине небольшое утолщение. Самую толику

Галактика пульсировала, не только колыхались ее облачные испарения, вибрировали и сами спиралевидно-загнутые рукава.

Космическое судно малешенько затрепетав всем своим длинным телом-корпусом, все также неторопливо, точно лениво двинулось к одной из самых махонистых туманных полос. Позади него подобно водной ряби завибрировала жерловина сквозь которую он выбрался. Внезапно вслед за судном из глубоких недр чреваточины вылез здоровущий, прозрачный пузырь и вроде жаждая нагнать червя, потянулся за ним. Образовавший остроносую маковку пузырь, так и не дотянувшись до судна, лопнув, выкинул из себя желтоватое сияние. Сполох света мгновенно втянулся вспять в жерловину, местами однако зацепившись за голубо-серебристые рубежи чреваточины порванными кляксами. Еще морг та пятнистая лучезарность перемешивала сияние во что-то цельное, единое, а после легохонько вздрогнувшие стенки жерловины, образовали не только однородное световое начало, но и синхронное движение ряби. Эта рябь пробежавшись по поверхности жерловины также коснулась и разлитых, будто размытых туманов Галактики, отчего облачные их полосы встрепыхнулись, ядренистым светом замерцали раскиданные на них звезды, скопления, и сама межгалактическая пыль нежданно засверкала радужными переливами.

А червь, между тем, шевельнув долгим хвостом и округлой макушкой, продолжил свое движение к крайнему спиральному рукаву. Неторопливо миновав ту светящуюся изогнутую торенку, лавируя меж блистающих разнообразных по строению и облику систем, скопищ звезд, мгновенно проскакивающих пылевых частиц и лучистых сполохов света, точно веточки разбросанных то тут, то там. Тем не менее так и не достигнув того спиралевидного рукава судно застыло в самом центре скользящих в непосредственной близости относительно друг от друга туманных полос, словно чего-то выжидая. А засим все также неожиданно, али продуманно, направило свой ход к яркой звезде, расположенной в нижней части крайнего рукава, ровно посередине между ядром Млечного Пути и той прозрачной стеной, на поверхности которой красовалась, переливаясь голубо-серебристая жерловина, таящая внутри себя проход... коридор... чреваточину меж Галактиками.

Эта звезда носила величание Солнце, а сама система спаянная силами взаимного притяжения находящихся там небесных тел именовалась Солнечной. Сие была мощная система, и главенствующее место в ней занимал огромный газовый светящийся шар, возле которого вращались восемь больших планет со спутниками, астероиды, кометы и метеориты. Каждая из этих планет уже имела свое название, каждая, созданная умелой рукой Творца, имела свое предназначение. И ползущий по Солнечной системе космический червяк, казалось, преодолевал невообразимое и многогранное расстояние весьма медленно, будто пробиваясь в плотном слое почве, а верней всего он летел очень быстро так, как проносятся мысли в человеческом мозгу.

Аппарат оставил позади себя пять планет и остановился подле шестой... той, что голубовато-зеленым шаром сияла в темной Галактике и называлась Земля. Возле этой планеты, по заданной орбите вращались два крупных спутника. Луна обращалась вокруг Земли за девять дней, а Месяц за сорок. А посему, более крупный спутник Месяц находился на значительно удаленной орбите от планеты, чем его меньшая сестра, Луна.

Земля не самая большая планета системы, на взгляд такая же как и иные кружащие по своим орбитам вокруг звезды Солнце, на самом деле была особенной. Она была уникальной в своем роде, потому как на ней обитали живые существа: растения, звери, птицы, рыбы, насекомые и другие удивительные по образу создания. Даже отсюда, из протяжного космоса были зримы облака укутывающие планету и колыхающие своими дюжими телесами в атмосфере, проглядывающие сквозь них зеленые материки и голубые океаны. Словом на Земле, можно было продолжить то, что уничтожил своим лучом в иной Галактике ползущий по Млечному Пути червь.

Космическое судно приблизилось как можно ближе к Земле, и, водрузив свое тело на орбиту движения Месяца, двинулось вслед за тем спутником, изогнув свой корпус таким образом, что он искривился чуть зримой дугой. Червяк малеша еще полз вслед за спутником, а засим выпустил из округлой своей головы легохонький расплывчатый столб света, такого голубоватого, каким бывает цвет небосвода Земли в погожий теплый денек. Неспешно колыхаясь луч света доплыл до Месяца и соприкоснулся с его покрытой, рыхлой смесью тонкой пыли и каменных обломков поверхностью.

И немедля Месяц вздрогнул так, будто его облизало пламя, и слегка закачался, вроде желая сбежать со своей орбиты и упасть на иной раз мелькающую под ним Луну. Однако столб света удержал от побега спутник, а быть может тот и сам раздумал падать да губить свою сестрицу Луну и мать Землю. Истинно молвить он еще маленько колебался, слегка покачиваясь взад-вперед... вправо-влево и верно по коловращению, а погода все же прекратил ненужные трепыхания и продолжил прерванное на сие положенное ему вращение. Только теперь вслед за собой он тянул того самого прилипшего к нему космического червя. Судно какое-то время двигалось вслед Месяца безропотно и неизменно, а погода яркость внутреннего свечения его блоков померкло, подобно тому, как выключают электричество в комнатах, водворяя в доме темноту. И вмаle светозарность аппарата угасла, сам он попоже заснул, погрузившись во тьму, вроде как затаившись, спрятавшись, али схоронив всякое движение в себе так, чтобы его немжно было узреть с Земли. Токмо голубоватый столб, единящий червя и спутник, все также еле зримо блистал, чем-то напоминая хвост оставленный от пролетевшей мимо кометы.

Глава вторая

Планета Зекрая миллионы... миллиарды лет вращающаяся возле звезды Колесо, да и вся система погибла, пожратая выпущенным из конца космического судна лучом. Все, что осталось от той чем-то напоминающей Землю планете где жили: растения, звери, птицы, рыбы, насекомые и другие удивительные по образу создания, где жила и дышала сама Зекрая, мирным сном почивало днесь на космическом аппарате Расов. Великих Богов, Зиждителей правящих в Галактиках бесконечной Вселенной, создающих иль уничтожающих те али иные миры, планеты и целые системы. Именно они Расы, как звали эту семерку Богов, были одними из Творцов систем, обладая на то надлежащим интеллектом, возможностями и силами. Именно они бережно взращивали планеты, созидали необходимые условия, формы и жизни на них для дальнейшего правильного существования не только мельчайшей бактерии, но и в целом системы. И это именно они для каких-то только им ведомым нуждам поселяли в таких искусственно содеянных мирах человечество.

Планета Зекрая миллионы... миллиарды лет вращающаяся возле звезды Колесо, да и вся система погибла истребленная севергой испущенной из червя, точнее из космического аппарата Расов, величаемого хурул. Да только она, эта планета задолго до выпущенного луча погубила себя сама. Вернее сказать погубила себя не планета, а люди живущие там... Люди когда-то заселенные в тот мир и постепенно утратившие связь не только со своими Творцами, но и с собственной нравственностью. Люди, каковые принялись изничтожать и саму Зекрую, и свои души... и, увы! собственные тела. Войны, эпидемии, нехватка еды и воды, экологические катастрофы, вымирание животного мира, мутации самих людей... стали преследовать жителей Зекрой... и вскоре деградация достигла таких ужасающих размеров, что в этот процесс вмешались Боги. Они собрали с Зекрой все еще физически полноценных детей и только мальчиков, да погрузив их на свой космический аппарат увезли, допрежь того уничтожив и планету, и всю систему.

Расы забрали мальчиков, потому как считали, именно мужская линия сберегает родовую и генетически верную информацию. И лишь через мужскую часть населения передаются заложенные еще при первом создании людей гены тех, кто их породил, а именно генетические коды самих Богов – светловолосых, светлокожих и светлоглазых, их основные принципы, идеи и признаки. Женщины, по мнению Расов, могли только хранить уклад и гармонию в живущем мире. Впрочем, в частности женские гены скорее, чем мужские подвергались трансформации, как хорошей, так к несчастью, и плохой. Потому-то любые изменения в части отрицательного быстрее проникали в женскую суть и, что еще более неприятно, скорее изменяли их генетические коды.

Вот именно по этой причине и деградировали жители Зекрой, потому как исказившиеся женские коды, забывших основные функции продолжательниц рода, привели с одной стороны к резкому уменьшению численности мужского пола. С другой к увеличению женской части зекрийцев, а также к их моральному извращению и как итог физическому уродству. Несомненным будет утверждение, что девочка, девушка, женщина... супруга, мать, бабка, есть не просто хранительница семейного уклада, она есть основной источник сути самого человеческого общества и его нравственных ориентиров.

Мальчики же менее подвергшиеся генетическому изменению и сохранившие в себе основные черты и качества, были и отобраны Расами. За время долгого пути к Галактике Млечный путь и Солнечной системе, здоровье детей подверглось существенной правке. Чтобы на психо-эмоциональном уровне избежать ненужной травмы Зиждителями были отобраны мальчики от одного года до двух с половиной лет... такого возраста, когда ребенок может легко и быстро отвыкнуть от своих родителей и привязаться к новому пестуну.

Мальчиков было много... возможно Боги знали их общее количество, а возможно и нет... Ибо того им скорее всего и не нужно было знать... Однако даже так, на вскидку, понималось, чтобы продолжить жизнь в новой, созданной как раз на такой случай Солнечной системе и на планете Земля детей должно быть достаточное количество. Расы, как божественные создания сами детьми не занимались. Теми мелочами, впрочем как и сам отбор, лечение, воспитание мальчиков осуществляли особые, приближенные к Зиждителям, существа. Такие к примеру, как духи, кто исстари был подручниками Богов и основными воспитателями человечества. Существа сохраняющие мало-мальски зримый людской облик, точно промежуточное состояние между человеком и Богом, обладающие возможностями и способностями мыть, кормить, одевать, ухаживать и общаться. Все то, чтобы без проблемно доставить малышей из одной Галактики в другую, а после их там взрастить.

Космический червяк, точнее хурул, покольдвигающийся вслед за Месяцем, потухше затаился. Прошло положенное время... время установленное им – старшим Богом и Отцом Расов, Небо, как и дети каковых привезли, светловолосым и светлоглазым, и сам хурул ожил. В центре судна, на одном из его сегментов, внезапно светозарно затеплилось стеклянное покрытие, скрывающее вход в него. Еще миг и оно неторопливо, в наверхие округлого блока треснуло надвое да принялось расходиться промеж того тонкого разрыва. Одна и другая створки медленно отъезжали друг от друга выставляя напоказ ровную полыхающую серебристо-рыжим пламенем площадку на которой в три ряда стояли ограниченные с концов двумя плоскими кругами, а с боков гнутой по коло плоскостью, проще говоря цилиндрической формы, объекты. Створки медленно разъехавшись, по всему вероятно, вошли в дно сегмента. И тотчас цилиндры засветились серебристым светом, да резво стартовав с места, подались выпры. Они взлетели с ровной площадки блока и закружили в космическом пространстве, лишь затем, абы немного погодя направить свой ход к вращающемуся Месяцу.

Подлетев к спутнику, цилиндры зависли над его раздробленной, покрытой бороздами и разломами, оставленными атаками метеоритов, поверхностью. Днесь поигрывающей зябью зеркальности от падающих на нее серебристых полос парящих аппаратов. Цилиндры задержавшись над Месяцев одновременно полыхнули ярчайшими бликами света и борта их вспыхнули будто объятые пламенем. Медленно они испустили из своих плоских, круглых граней сероватые лучи света и те, достигнув поверхности спутника, покрыли его плотной пеленой на значительно большей территории. Лучистая морока не просто впиталась в грунт, она, точно нарастив насыщенность, склеила, склепала разрозненную почву Месяца, образовав на освещаемом пространстве монолитную боляхную площадку овальной формы.

Прошло совсем немного времени и грани этого овала вроде мощных стен стали вытягиваться вверх, подобно росту живого существа. Вмале они дотянулись до парящих и все поколь исторгающих свет цилиндров, а после застыли, тотчас выпустив из себя струи голубоватого тумана, оный растекаясь по полотну получившейся, огромной фигуры сплываясь в единое целое. Светозарность образовавшегося строения с овальной формой стен и слегка стогообразной крышей усилилась, будто зачинающийся костер и тогда бредущие подле него объекты стали неторопливо опускаться на тот округлый купол тулясь прямо на его чагровую гладь. Цилиндры неспешно приткнулись к куполу строения на малеша застыв, а после стремительно да враз распались на множество мельчайших капелек воды али света. Точно росинки, они единожды густо ссыпавшись, укрыли полотно крыши, а вскоре как-то энергично вспухли, набрякли от густоты света да принялись перемешиваться промеж себя образуя какой-то образ. Еще чуть-чуть и вот на выпуклом куполе строения начерталось лицо.

Это лицо, вельми выразительное и яркое, имело четкие границы, самой широкой частью там смотрелись скулы, а лоб и подбородок были узкими. Хотя даже при данной форме лица лоб, выступая вперед, казался весьма мощным. Нос, с выпуклой спинкой, переходил в острый его кончик, а широкий рот с полными губами и приподнятыми уголками, свидетельство-

вал о доброте своего обладателя. Точно живыми на том куполе живописались крупные глаза, где верхние веки, образуя прямую линию, прикрывали часть радужной небесно-голубого цвета оболочки. Также явственно на лице проглядывали изогнутые, слегка вздернутые вверх брови, расположившиеся на крупных надбровных дугах и тонковатые морщинки, две горизонтальные на лбу и по одной отходящие от уголков очей.

Небо – это был он!

Главенствующий Бог среди Расов и один из старших сынов того кто рождал Галактики и кого Зиждители величали Родителем. Впрочем Он – Родитель, также как и Всевышний творящий саму Вселенную, скорее всего не мог именоваться одним, каким-то общим величанием, абы обладал многогранностью, многообразием и многоликостью.

Покуда на Месеце цилиндры возводили строения, а посем и сами выстраивали образ Небо, как стяг того, что и спутник, и сама планета Земля Солнечной системы, и Галактика Млечный Путь находятся под управлением Небожителей Расов, там на космическом хуруле происходили новые события. Сегмент, который выпустил из своих внутренностей цилиндры, уже сомкнул свои створки. Однако стоило им сызнова образовать замкнутый блок, как близлежащая секция корабля также медлительно начертав на своей гладкой поверхности чуть зримую трещинку начала размыкаться. Две не менее значимые створки, расставшись и сползши в дно корабля, явили однотипную, ранее видимой, площадку и новые летающие аппараты. Это были высотные шатровые суда, столпообразной формы с луковкой на конце и устремленными ввысь тонкими шпилями-антеннами. На этих объектах по кругу, почти подле луковки просматривались небольшие четырехугольные окна. На площадке поместились не только столпообразные суда, там стояли, словно продолговатые четырехугольники с выступающей передней частью корабля и восьмиугольные с долгими острыми краями, похожие на звезду, символ Неба. И круглой формы, и в виде лучевого креста, символа младшего брата Небо, Бога Дивного, однако непременно с куполом-луковкой и округлой маковкой или устремленным шпилем.

Летающие аппараты энергично засветились, замигали всеми радужными огнями и подались вверх. Ноне, право молвить, направив свой полет не к Месецу, тянущему за собой космический хурул, не к первому спутнику Луне, а к самой голубо-зеленой Земле, где зекрийцы, мальчишки не старше трех годков, должны были продолжить жизнь, возвратив давно позабытые и утерянные их родителями традиции и верования.

Большую часть пути, из одной Галактики в иную, дети, конечно, спали. Впрочем создания, наполняющие хурул, почасту их пробуждали, являя к жизни, общались, кормили, проверяли состояние здоровья. И теперь все те последние зекрийцы, днесь будучи названными землянами, на аппаратах так напоминающих святилища, пробужденные, одетые, накормленные под неусыпным присмотром своих нянек-духов летели на планету Земля.

Суда стартов с площадки хурула довольно быстро преодолели расстояние до Земли, вмаде войдя в ее атмосферу. Выпуская из своего плоского со множеством малых и крупных сопл густовато-голубой пористый дым, они направились к одному из материков, чем-то напоминающим по форме яйцо. Одновременно омываемым с трех сторон тонкой полосой воды с разбросанными на ней мельчайшими пежинами островов, и окруженным береговыми линиями двух иных континентов, на стыке спаянными меж собой во единое земное пространство. Четвертая сторона эллипсоидного материка, своей более удлиненной частью вдавалась в голубые воды океана. Яйцевидный континент поместился, кажется, как раз в середине пространства Земли проложенного меж северным полюсом и экватором. Еще четыре, разных по форме и размеру континента просматривались на поверхности планеты. И также как тот к коему, неслись суда, и каковые граничили с ним, были окружены синими водами и поросли зелеными лесами, али белыми пиками высоких гор.

Медленно и плавно, будто боязливо приближались суда к яйцеподобному континенту, где по краю береговой линии проходили высокие хребты гор, шапки которых беловатыми

льдами и снегами смотрели в поднебесье. Они летели к той части континента, что находилась точно в его центре и была покрыта мощными стенами леса, украшена хрупкими рукавами рек, и круглыми синеватыми гладями озер. Покатыми макушками меж тех зеленых нив просматривались просеки поросшие травами, припорошенными многообразной гаммой цветов. К одной из такой просек и стремились наши суда, правда, там, на той прогалине, почитай не наблюдалось травы да цветов. Ну, быть может лишь малая толика их.

На той поляне более пологой, поместилось крупное поселение, где в несколько рядов стояли небольшие деревянные бревенчатые дома-срубы, покрытые тесом или плотно уложенным камышом. Такие которые величают четырехстенными. Маленькие окошки со слюдой заместо стекол, находились на трех стенах. Мощные из колотых напополам стволов деревьев улочки пролегали меж шеренгами домов. А подле каждого сруба располагались приземистые сарайчики, амбары, курятники да махунечкие наделы оземли с растущими на них низкорослыми кустиками и травами. Подле домов росли молодые деревца, в основном березы и дубки, такие же юные, как и те дети, что летели на космических судах, слегка колышущие зеленцой листвы, и тонкими, нежными, кудрявыми ветоньками. Свои младые корешки деревца тянули ко входу в срубы, что нижним ярусом бревен упирались в почву, отделяя ее крыльцом и деревянной, грубо соструганной дверью, словно жаждая опереться на те могутные кряжи, некогда правящие в лесных чащобах. Между домов, дворов не было никакой городьбы... Просторы и вольность наполняло все это чудное поселение, где кроме полупрозрачных духов никого более и не виделось.

А духи, узрев приближающиеся корабли, уже торопливо выходили из срубов, ступали своими прозрачными стопами на проложенные мостки и поспешали к самой центральной и несомненно главенствующей здесь улице пролётшей посреде селения. Духи чем-то напоминали людей. Может формой своих удлинённых конечностей, а может округлыми головами. Однако, в отличие от человека, не обладали как таковым полом. Их короткие тела в сравнении с длиной рук находились на не менее долгих, худых ногах. И временами они передвигались по земле, сразу опираясь на четыре конечности. Без сомнения на этих созданиях не было какой-либо одежды, оно как говорится, в том у них не имелось надобности. Отсутствовали также волосы, али шерсть. Словом, туловище, представляло из себя большой, полупрозрачный ком с едва выступающими плечами, без талии, сужающийся к завершию, из округлой поверхности которого вылезали две худобитные полупрозрачные ноги. Такие же тощие руки выходили из плеч и дотягивались, возможно, до лодыжек. Возможно... потому как у духов не просматривалось ни бедер, ни колен, ни лодыжек, соответственно как локтей, кистей, пальцев на ногах. Конечности имели вид нечто единого целого. Токмо на руках по четыре долгих пальца с круглыми наверхиями, отходили прям от малеша усеченных да все ж зримых запястий.

Одначе, самым чудным у духов была голова. Такая же полупрозрачная, как и тело, слегка светящаяся голубоватым али зеленоватым светом, она напоминала форму капли. Своим удлинённо-заостренным концом голова восседала на туловище, без какой бы то ни было шеи, верно потому как то самое остри и заменяло выю. При это подвижность головы потрясало воображение, и духи могли без труда развернуть ее не только на сто восемьдесят градусов, но и свершив круг содеять полный оборот в триста шестьдесят. Как такового лица у этих созданий не имелось, потому не просматривалось привычного подбородка, щек, носа, рта, ушей, тем не менее там были глаза. Раскосые по углам и очень крупные, заполнившие лицо на треть и такие глубокие, про каковые порой говорят бездонные, в основном лазоревые и голубоватые, но весьма бледной синевы, вернее даже молочно-голубой. Духи, что дюже занимательно, не нуждались при общении и воспроизведении звуков в устах и ушах. Все же будет не верным назвать их промежуточным видом меж Богом и человеком, вне всяких сомнений они были совсем иными созданиями. Существа живущие особым образом, питающиеся особыми компонентами, дышащие и думающие созвучно собственным способностям и нуждам их Создателя.

Творения самого Небо, старшего из Расов, как помощники во возвращение людей. Духи нынче... как и допрежь того вершившие малые дела на планете Земля подготовили все к прибытию на нее зекрийцев, точнее сказать землян.

Глава третья

Вскоре суда, зависнув достаточно высоко над сушей, в небесах, как позднее молвит человек, выстроились в единый ряд. Они совсем малеша парили недвижно, ожидая какого-то общего указания, а засим часть кораблей направилась вправо, другая резко взяла влево, а третья, самая весомая, неспешно выпустила из своих сопл прозрачные лучи света. Еще немного и яркое свечение, сопровождающее суда, поблекло.

Некоторое время спустя один из особо мощных кораблей, схожий своими восемью концами со звездой, отделился от ряда себе подобных и стремительно направился к центру поселения, да так ретиво, будто желал вдариться об его поверхность. Вскоре он также резво застыл почти подле самой земли. А несколько минут погодя, синхронно раздались вправо-влево стенки его корпуса, с обеих сторон, и вниз упали два махонистых рукава пепельно-голубого света.

И тотчас по ним вниз поспешили, суетливо переставляя свои маленькие ножки, дети иноредь в сопровождении духов. Мальчиков духи не только придерживали за ручки, но и несли, прижимая к своим прозрачным телам. Некие дети шаловливо или обиженно плакали, другие более серьезные и не по-детски молчаливые, спускаясь, озирались. Может, припоминая то место, где родились, а может просто, будучи от рождения боязливыми... опасливыми.

Духи, ожидающие прибытия детей на планету, не менее торопко двинулись им навстречу, с любопытством, интересом осматривая эту разноволосую ребятню, где виделись не только белокурые, но и русые, и рыжие мальчонки, все как один со светлой кожей. Дети, по большей частью, спустившись с корабля на землю, бестолково останавливались обок прозрачного луча, днесь служившего взамен лестницы.

Один из ребятишек, светло-русый, сойдя с того мостка и вовсе приболжно шибанул по макушке русоволосого мальчика, неудачно и как-то дюже туповато остановившегося на краю луча и земли и тем застопорив общее движение.

Сие был весьма высокий ребенок, худоватого сложения, в свои два с половиной года с тонкими, жилистыми ручонками. Этот мальчик сразу обратил на себя внимание младшего из Расов, Бога Дажбу, потому как спервоначалу громко призывал свою мать, вроде чувствуя... ощущая вечную разлуку, не только с той каковая его родила, но и с тем миром в оном первые вздохнул. А после удивляя Зиждителя Дажбу своей неумной любознательностью. Малец на удивление, ибо отбирали с Зекрой наиболее крепких, был слаб здоровьем, тем не менее, как и все потомки Расов, весьма красив лицом. Его нежные, миловидные черты с детской припухлостью щек и губ, зеленые глаза и небольшой носик живописали чудность от рождения. Только цветом кожи он едва разнился с прочей ребятней, потому как был не белокожим, а слегка смуглым... слегка... совсем немного. Словом он казался иным... Любопытным, пытливым, сильным, не столько физически, сколько духовно так, что младший сын Небо, Дажба, оглядев его еще в космическом хуруле, проникся к нему особой теплотой, предположив, что это и есть будущий правитель одного из новых поселений на Земле. А так как Дажба обладал способностями заглядывать вглубь времен, он решил даровать этому мальчику имя – Владелин, что означало властитель. Боги, конечно не давали имен детям, это делали духи, которые должны были научить детвору особым традициям, верованиям, языку... Всему тому, что хотел им явить Дажба – младший, любимый всеми Расами Бог... Зиждитель в чьем непосредственном управлении и находилась Галактика Млечный Путь... Впрочем, маленький мальчик, Владелин, точно обладающий какими-то особыми качествами, признаки, выделяясь меж иными детьми, днесь был на особом счету у Дажбы... и не только у Дажбы, но и тех существ, что находились дотоль в хуруле подле него.

А маленький Владелин, ступив на планету Земля, уже начал борьбу за справедливость, к коей верно имел тягу. Понеже не только огрел кулаком того, которого кто-то из духов назвал Миронегом, спокойного и тихого мальчика, и каковой неразумно сбил ход прочей ребятни, но и подтолкнул вперед меньшого по годкам Златовласа, величаемого так за цвет желтых кудрей, несуразно остановившегося обок первого.

– Не смей! – незримо вымолвил один из духов подходя к Владелину и его лазоревые очи яро блеснули светом.

– Оставь его! – не менее громко плеснул звуком другой дух с голубоватыми глазами и мотнул головой в сторону раздавшихся створок на судне. Его голова неожиданно свершила полное обращение вокруг тела, указав на выходящего последним из корабля младшего из Расов. – Этот ребенок на особом счету у Зиждителя Дажбы. И Небожителю не понравиться, коли ты к нему будешь придираешься. Мальчика отдали на вскормление мне, – дополнил дюже звонко дух, – так, что подыщи себе кого другого.

– Он дрался, – уже не столь сердито заметил лазоревоокий и голова его неожиданно лучисто вспыхнула зеленым светом, стоило лишь ему узреть спускающегося с корабля Бога. – Но ежели он на особом счету у Зиждителя Дажбы, стоит, наверно, за ним лучше приглядывать, Выхованок, – обращаясь по величанию молвил дух.

– Этим я и собираюсь заняться, – откликнулся Выхованок, и, подхватив на руки Владелина, едва зримо заколыхал своим полупрозрачным телом.

И немедля не только Миронег и Златовлас, но еще четверо ребятишек протянули вперед руки и ухватились за патлатые волосы, резво вытянувшиеся из ног духа. Выхованок более ничего не выдохнув, последовал куда-то вправо, положе избрав для своих вскормленников избу, широко переставляя долгие ноги и словно собственное дитя слегка покачивая на руках Владелина. Неся мальчика не прижимая к себе, а вроде вжав в свое прозрачное комовидное тело так, что часть его чуть видимо рассеяв свет, образовало над ребенком навес. Дух так скоро тронулся с места, что еще с десятков ребятишек не успев ухватить его за волосы, торопливо засеменяли своими маханькими ножками и разком заголосив, дернулись вслед за ним, оно как Выхованок все то время был ихним пестуном.

Лазоревоокий дух, чье величание звучало как Батанушко, удивленно воззрился в след удаляющегося собрата то ли от испуга, то ли еще отчего иного, позабывшего прибрать своих остальных вскормленников. Батанушко, дотоль главенствующий в поселение будущих землян, где возводились четырехстенные срубы, всего-навсе ему доступными и дарованными силами, каковые люди бы назвали чудом, магией, волошбой, был старшим и в самом племени духов. Он еще малеша глазел на Выхованка придержавшего поступь, лишь значимо удалившись от судна, чтобы воссоединиться со своими питомцами, а после перевел взор на того, чье величание Дажба – значило дарующий. На того кто был особо любимым и младшим членом в печищи Расов.

Дажба смотрелся весьма рослым Богом. Нельзя было молвить, что он кряжист и мощен в кости... Нет, Расы не обладали таковой крепостью кости как их создания, творенные по их подобию. Впрочем, они были вельми высокими, и люди никогда не достигали такого роста ни там, на планете Зекрая в далекой Золотой Галактике в Созвездие напоминающем разъяренного Льва, ни здесь на планете Земля. Возможно, рост Бога достигал два с половиной метра, три аршина десять вершков, или восемь футов четыре дюйма, посему и смотрелся он могутным. Его тело не отличное от людского напоминало мужчину, а может и было таковым. Кожа молочно-белого цвета слегка светилась золотыми переливами так, будто ее подсвечивали изнутри. И сквозь тот тонкий-претонкий наружный покров проглядывали заметно проступающие оранжевые паутинные кровеносные сосуды и, кажется, вовсе ажурные нити кумачовых мышц и жилок. Идеально правильной формы было у Дажбы туловище, руки, ноги и голова, хотя в сравнении с ростом он выглядел худощавым, будучи узок в плечах и талии. А короткие

русые с золотистым отливом, кудрявые волосы, такой же длины и цвета борода и волнистые густоватые, длинные усы, кончики коих были заплетены в миниатюрные косички, придавали Зиждителю особую юность и приветливость.

Нежные, миловидные черты лица, усиливали в Дажбе признаки не столько мужского, сколько женского начала. Само лицо Бога имело мягкую форму, будучи скорее длинным, чем широким, напоминая по форме яйцо, где, однако участок подбородка был уже лба. Без единой морщинки, али ее подобия большой лоб слегка светился, высокие дугообразные брови и чуть-чуть выступающие вперед миндалевидные ярко-голубые очи, всем своим образом глаголящие, что представитель оных знает чего хочет и лидер по своему естеству. Красивым был также нос младшего Раса с изящно очерченными ноздрями, конец какового словно прямым углом нависал над широкими плотными вишнево-красными губами.

Дажба был одет в ярко-красную рубаху, тесно прилегающую к телу и доходящую до лодыжек, с клиновидным вырезом впереди, без ворота и рукавов. Сверху на оную был накинут кипельно-белый плиссированный плащ. Он будто проходил подмышками рук одним своим краем и схватывался на груди крупным, с кулак, самоцветным рубином, переливающимся красным с фиолетовым отливом светом. Стопы Бога были обуты в сандалии с загнутыми кверху носками, к подошвам которых крепились белые ремешки. Один, из каковых, начинался подле большого пальца и единился со вторым, охватывающим по кругу на три раза голень. На Дажбе находилось много различных украшений. Стан его стягивал пластинчатый пояс, собранный из круглых искусно вырезанных блях, сверху на оных возлежали лучисто-красные, небольшие алмазы. Воротник-ожерелье из того же белого золота и красных рубинов да светло-коричневых, дюже крупных алмазов, огибал шею. Множество тончайших, золотых, серебряных браслетов выше локтя на запястьях и лодыжках убирала руки и ноги Раса. На голове же и вовсе восседал необычный высокий венец, вобравший в себя зараз белый и кумачный цвета. Это был усеченный конус с плоским днищем, коим он помещался на голове, и приподнятым не менее плоским навершием. По краю оттороченный золотой полосой да увенчанный, из того же материала, круглой маковкой. Сам венец весьма часто менял цвет, он то вдруг весь пыхал яркой краснотой, то степенно бледнея, делался почти белоснежным.

Дажба неспешно спустился с пепельно-голубого рукава лестницы, и, ступив на мощный деревянный мосток, улыбнулся, мгновенно, склонившему пред ним голову Батанушке. Вельми по теплому приветствуя духа, мягким и точно лирическим баритоном, открывая рот и явственно издавая звуки, Бог молвил:

– Здравствуй, Батанушко!

– Наше вам Зиждитель Дажба! – дух, кажется, и совсем скрючился пред Богом, свернув куда-то в сторону свою каплевидную голову.

Она внезапно крутнулась, свершив оборот на сто восемьдесят градусов, и дух устремил свои лазоревые очи на Раса, воззрившись на него снизу вверх. Дажба слышимо засмеялся, отчего затрепетало на коже его лица золотое сияние, иноредь и вовсе полностью поглощающее бело-молочный цвет и качнул головой в направлении судна. В раззявленные недра, которого уже втягивались рукава-мостки да медленно затворялись створки. Корабль неторопко взмыл ввысь, уступая место для приземления новым судам и прибывшим на них поселенцам.

– Батанушко, – все также мягко произнес Бог. – Подыми голову, а то она вот... вот... от столь стремительного вращения отвернется. Да по скорее уберите с духами деток с посадочной полосы, ибо путь наш был сравнительно долог и притомились не только наши мальчишки, но и я.

Дух понятиливо испрямился и голова его, сызнова повертавшись, приняла исходное положение.

– Все готово к приезду детей Зиждитель Дажба! – издал Батанушко, будто отвечая на немой вопрос Бога.

– Я вижу, – изрек младший Рас и мало заметно кивнул.

А посем легкой, невесомой походкой, вроде не касаясь подошвами сандалий деревянных мостков дороги, направился вперед. Он вошел во двор одного из домов и остановился недалеко от него, подле невысокого, колыхающего зеленой листвой молодого дуба.

Батанушко подал знак своим собратьям сам, при том, полыхнув зеленым светом собственной головы, и духи суматошливо похватав оставшихся без присмотра и догляду мальчишек увели их с полосы, на которую уже стремился опуститься новый корабль с детьми и пребывающим в нем средним сыном Небо, Воителем.

Этот Рас, также как и Дажба, сошел с судна последним, а вслед за ним из чередом зависающих кораблей спустились и все прочие Боги, старший сын Небо, Седми, отец и сын, Дивный и Словута. Дивный с такого же цвета кожей, как у Дажбы и темно-русой бородой, достигающей груди да столь густой, что на концах она закручивалась по спирали в отдельные хвосты, был средним братом Небо и являлся также старшим Зиждителем в печище Расов. И Огонь, занимающий по статусу в печище роль брата, как и иные младшие Боги, был... считался только сыном Небо и Дивного. Сам точно соответствующий своему имени имея огненно-рыжие, длинные волосы, схваченные позадь головы в конский хвост.

У Огня в отличие от старших Богов и их сынов, оные по сути были ему братьями, на лице не имелось волосяного покрова. Молочного цвета кожа с густо выступающим золотым сиянием временами будто вспламенялась огненно-красными искорками, которые зримо струились по тончайшим кровеносным сосудам. Еще миг и сияние на ней также стремительно тухло так, что наружный покров приобретал почти белесый цвет. Лицо Огня имело четкие линии, с точно квадратным подбородком, где в целом высота лика превосходила его ширину. Тем не менее, лоб этого Раса значился более широким чем подбородок, с такими же как и у Дажба мягкими чертами. Ажурные, дугообразные брови, кажется, были нанесены ловким взмахом утонченной кисточки. Под теми рдяно-рыжими волосками располагались крупные с приподнятыми вверх уголками удивительные по цвету и форме радужной оболочки, глаза. Занимающие почти полностью все око, ромбические по виду радужки имели радужнозеленый цвет, в коем переливались, переплетаясь с зеленым, красный, оранжевый, желтый, голубой, синий и фиолетовые оттенки, полностью утаивая внутри той мешанины сам зрачок. Слегка впалые щеки придавали Огню какую-то болезненную худобу, а тонкие огненно-красные уста попеременно пламенеющие будто указывали, что он лишь давеча оправился от хвори. Поелику в сравнении с иными Зиждителями он и смотрелся таким исхудавшим... немощным, так-таки при том все же будучи самым высоким. Тонкие золотые сандалии и всего-навсего золотая рубаха без ворота и рукавов распашная книзу, и это все во, что он был облачен. Никаких браслетов, ожерелья, венца и даже пояса, будто любое украшение стало чуждым Огню.

Расы, покинув свои корабли, сошлись все вместе на округлом пятачке, весьма огромном в диаметре, что подобно стартовой площадке венчал длинную полосу-улицу и молча наблюдали за тем, как приземляющиеся корабли выпускают из себя новых детей и духов. Прошло совсем незначительное время и последний из прибывших судов опустошив свои отсеки, взлетев в поднебесье, вроде по мановению руки замер в ряду таких же как и он. Еще миг бреющего полета и все корабли, не считая одного, того самого схожего с восьмиконечной звездой, мощно выпустив из сопл густовато-рдяной пар единой взвились ввысь и вмаle исчезли горящими точками в голубой дали.

– Ну, что... что ты видел, мой милый? – негромко спросил Дивный, обращая свое поспрашивание к Дажбе, и взглянул на него бирюзовыми очами.

Его выпуклые, нижние веки незначительно затрепетали, а вместе с ними заходили ходунном и длинные, густо закрученные, темно-русые ресницы и проходящие по одной линии прямые, короткие брови. Еще морг и продолговатые глаза Дивного заполнились насыщенной бирюзовостью радужки, поглотив всю белизну склеры, сие был первый признак, что Рас тревожится. Это выглядел не менее высокий, чем Дажба, Бог с такого же цвета и сиянием кожи.

Лицо старшего Раса несло в себе больше признаков мужского начала, чем женского и по форме напоминало сердечко, где высокий лоб был значимо шире угловатого подбородка. Изумительными по цвету были губы Дивного, чермные с глянцевым проблеском, коротким с вогнутой спинкой и при том вздернутой верхушкой нос. Этот Зиждитель смотрелся вельми каким-то суровым, точно все время испытывал недовольство.

– Все тоже и так скоро, быстрее даже чем на Зекрой, – также тихо ответил Дажба и, чуть слышно вздохнул, сопереживая тревоге Дивного и своим словам.

– Ну, ничего, не расстраивайся, наша драгость. Не стоит, – вмешался в беседу Богов густым басом Воитель, средний сын Небо, и самый крупный из прибывших Зиждителей.

Более мощный стан и широкие плечи отличали его от прочих Богов. Конечно, невозможным было говорить, что Воитель атлетического сложения, иначе его крепкотелость ощущалась, стоило токмо взглянуть на этого Раса. Светло-молочная кожа Бога также светилась золотыми переливами. Сквозь ее прозрачное полотно проступали оранжевые сосуды, кумачовые жилы, нервы и, малость, более зримые мышцы. Густые, средне-русые волосы, покоящиеся на голове Раса волнами, имели таковую же пышность, что борода и усы, скрывающие форму подбородка и губ. Тем не менее, грушевидный тип лица Воителя менее мягкий, чем у иных Расов обладал заметной мужественностью, если не сказать суровой могучностью. На лице Воителя значимо широким в сравнении с лбом были линия подбородка и челюсти. Длинный мясистый нос, с большими ноздрями, крупные чуть раскосые глаза, слегка прикрытые верхними веками с синеголубой радужной оболочкой, да иноредь показывающиеся синевато-красные губы, с полной нижней, несомненно указывали на него, как на натуру упрямую, непреклонную.

Воитель был обряжен в красную рубаху, сверху прикрытую тончайшей синевато-красной накидкой, дюже сквозной. Накинутый на плечи плащ, покрывая их с двух сторон, стягивался на груди крупной пряжкой, в виде круглого шара схожего с планетой Земля, где живописно проступали зелеными пежинами материки и голубоватыми бликами омывающие их океаны. Стан Раса стягивал широкий пояс плетеный из множества тонких нитей, вмещающих в себя все цвета радуги от красного до синего. Нити пояса переливались этими чудными цветами и едва заметно перемещались по коло. Пояс, словно кушак с бахромой нитей на завершие, опоясывая стан на два раза, стягивались на левом боку узлом, отчего длинные его концы, свешиваясь вниз, достигали почти колен Воителя. Укороченные синие шаровары на бедрах и щиколотке Бога собранные на резинку, подобно текущей воде струились к долу. Сами сандалии Раса смотрелись сомкнутыми по всей подошве, загнутыми не только с носа, но и с иных сторон. Златыми, тонкими ремешками они крепились к ноге, огибая на семь раз голень и штанины до колена. По лбу Зиждителя пролегал толстый и широкий обод красного цвета, твореный из червонного золота, полностью скрывающий саму лобную часть и удерживающий от колыхания волосы, в центре которого переливался крупный, овальной формы, фиолетово-красный аметист.

– И чьи отпрыски в этот раз? – снова спросил Дажбу Дивный, вроде не обращая внимания на молвь Воителя.

И тотчас поправил спадающий с плеча оранжевый плащ, накинутый сверху на белую рубаху, длиннополую, без вырезов и с одним долгим правым рукавом, завершающимся у запястья. Плащ Дивного, переброшенный одним концом через правое плечо и проходящий подмышкой, скреплялся на груди темно-синим сапфиром. Крупный, оgranенный тонкими серебряными лепестками, самоцвет столь лучисто горел в солнечных лучах, что порой затмевал очи Дажбе и Воителю, стоявшим подле старшего Бога. Едва достигая бедер Дивного, шелковистый плащ струился по своему слегка округлому краю светозарной синей полосой.

– Нет... В этот раз нельзя назвать определенных виновников нравственного и физического упадка. Хотя я не могу толком понять, что произойдет... Вельми все туманно, – почти прошептал Дажба и еще горестней вздохнул.

– Ну, ничего, ничего, – вклинился в разговор Огнь, также желающий успокоить младшего из Расов. И по коже его сверху вниз пробежала мельчайшая рябь искорок так, что почудилось, еще доли секунд, и вспламенится материя тонкой, золотой рубахи самую малость прикрывающая колени Бога. – Это было уже не раз так скоро... И, очевидно, не раз повторится. Может в иной системе будет мягче... не так как на Зекрой, дорогой малецык. Ведь людям присуще приносить в мир двоякость. Ту самую, каковой нет и не может быть по своей сути. Посему, какие бы ты не даровал им знания, традиции и верования... каких бы не назначал достойных наставников. Вмале их потомки все извратят и подстроют под собственные желания и нужды.

Дивный степенно повернул голову, в направлении младшего брата и воззвись на него, мягко просиял, отчего явственно засветились волоски его темно-русых усов прикрывающих уста. В целом Расы двигались дюже медленно, неспешно поднимая руку, поворачивая голову, стан, с тем одначе делая махонистые шаги, так вроде им было не куда торопиться или томительно спешить. И не мешкая, с тем движением Дивного, сапфир покоившейся на его груди выбросил вперед мощный луч света, будто жаждая теплотой своего сияния приголубить огненно-красные уста Огня, а может жаждая их сомкнуть. Слегка вздрогнул восседающий на главе старшего Бога высокий венец. Сотворенный из тонкого обода и исходящих из его граней, устремленных вертикально вверх, широких полос, украшенных рельефными изображениями разнообразных видов птиц. Те четыре золотые полосы незримо удерживали в наверхие солнечный, плоский диск, изредка переливающийся ядренистым золотым светом и также не часто совершающим медленный поворот вокруг своей оси.

– Огнь прав, малецык... Если у этой будет короткий срок, попробуешь иную форму учений и принципов в соседней системе, – растягивая слова, сказал бархатистым баритоном Дивный. – В любом случае совершенства не будет, надобен лишь более долгий срок.

Резко да громко засмеялся Словута, и, уставился на Отца иссиза-голубыми глазами, крупными и весьма глубокими, где верхние веки изгибались дугой, а нижние образовывали прямую линию. Верно, из-за таковой формы глаз и светло-русые, закругленные брови Бога, мгновенно вскинувшись вверх, на высоком и точно вдавленном лбу начертали неглубокую борозду. Словута укорительно покачал головой и певучим, объемным басом отметил:

– Я говорил Дажба, какие учения и принципы не попробуй все едино... придется систему уничтожать.

– Посему я и был согласен с Першим, что малецыку еще рано управлять... Юн совсем, дитя, – произнес Воитель и будто укрыл всех мощью своего густого баса.

– Однако на этот раз лучицу по Земле выпустим не мы, а Перший, – бедственным тоном молвил Дажба. – Почему Перший? Люди здесь, как и на Зекрой, вельми быстро изничтожат в себе лучедатность. Поделив мир на добро и зло, они противопоставят свет, тьме. Ограничат, заключат все свои знания жесткими рамками, кои не дают возможности дальнейшему саморазвитию их сути.

– И все же, раз мы разрешили тебе Дажба управление, попробуешь иное учение и принципы в соседних системах, – по-видимому, желая окончить этот не раз возникающий меж Расами спор, строго произнес Дивный. – Только прежде чем решать подумай хорошо, ибо детей с других Галактик: Синее Око, Блискавицы, Копейщик в ближайшие системы завезут немного погодя. И также как то содеял Огнь в своей Золотой Галактике можно поселить их обоих полов, абы не свершать лишних творений.

– Дивный, – то обратился к Зиждителю дотоль молчавший старший сын Небо, Седми, смурным взором обозревающий столь прекрасную молодую Землю. – Ты словно не слышал Дажбу. – Бог на миг смолк, и в воздухе просквозила искристая россыпь огня, точно желающего поддержать потухающую искорку, впавшую на охапку соломы. И тотчас от белой кожи Седми, подсвечиваемой изнутри золотым сиянием, во все стороны брызнули ядрено красные капли света. – А меж тем Дажба не раз говорил, что в Млечном Пути хочет иметь лишь своих

отпрысков. А это значит, коли ты до сих пор не понял, наша бесценность, желает поправить генетику не только зекрийцев, чеглоковцев, шалапутов, но и даже моих мануловцев и иметь нечто иное в собственной Галактике... И то, что Земля погибнет от северги, совсем не значит, что днесь надо менять все замыслы малецыка, да еще так грубо.

Седми, старший из сыновей Расов, был верно и самым худощавым, словно почасту не доедающий или отдающий лучший кусок своим младшим, как сказали бы люди. Впрочем, он был не менее чем иные Расы высоким. Пшеничные, прямые волосы, как и борода, и усы Бога значимо короткие, прикрывали кораллово-красные с полной верхней и тонкой нижней, губы. Вздернутым с выпяченными ноздрями, говорившими о порывистости и своеволии своего обладателя, был нос Седми и напоминающими по форме треугольник, со слегка приспущенными веками, глаза. Радужка оных меняла свой цвет с темно-мышастого почти до голубо-серого, с синими брызгами по окоему, и также походила формой на треугольник. По лбу старшего из сынов Расов пролегала тонкая, как бечевка, красного цвета цепь, а мочка левого уха была усеяна капельками бледно-синих сапфиров. Обряженный также просто, как и Огнь, всего-навсего в долгополую, распашную без рукавов рубаху, только серебристого цвета, Седми явственно смотрелся недовольным, али точнее молвить чем-то возмущенным так, что дрожал от гнева его высокий, звонкий тенор.

Венец Дажбы неожиданно тягостно сотрясся на голове, и миг погода сменил цвет с бело-снежного на пурпурно-красный, и Бог едва ощутимо проронил:

– Пущенной Першим... А почему Отец уничтожит Землю?.. Может, потому как разложение достигнет ужасающих размахов.

– Возможно, мой дорогой, – стараясь сдержаться и не огорчить Дажбу своим негодованием, откликнулся Седми. А по его красивому лицу с прямыми границами и вроде квадратной линией челюстей, подобно судороге пробежала малая рябь, исказив всю присущую ему приятность. – Не стоит ноне о том думать, время покажет.

– Не зачем о том теперь горевать, – забасил Воитель, поддерживая старшего брата, и качнул головой так, что по его густым средне-русским волосам проскочила легохонькая волна тронувшая, кажется, каждую кудельку. – Это случится весьма не скоро, а покуда мы будем стремиться вложить в этих мальчиков все самое лучшее, как ты того и желал. И таким образом отсрочим гибель твоего творения, наш милый, – и Рас свершил махонистый круг правой рукой, неосвязаемо описав его как по небу, так и по озему.

– Странно, – словно не слыша Воителя и думая о чем то своем обмолвился Дажба, неотрывно смотрящий на Выхованка, оный заняв один из центральных дворов поселения главной улицы, что вела как раз к стартовой площадке, уже спустил на землю Владелину. – Порой всматриваешься в них... и видишь лишь малых детушек, так никогда и не повзрослевших, не набравшихся необходимых сил для собственного духовного преобразования. А иногда стоит бросить лишь один взгляд и почувствовать невероятную душевную мощь уже днесь и в столь слабом... хрупком тельце.

Покуда Дажба озвучивал свои мысли вслух, восьмигранный корабль на каковом он прилетел, завис над стартовой, круглой площадкой, где-то в десятке метров от нее. Медлительно испуская клубы смаглого пара корабль, оный величали капище, принялся опускаться вниз, стремясь к каменному полотну пяточка. И тотчас Боги, неспешным шагом, направились прочь с площадки, высвобождая место для посадки капища. Огнь ступающий подле Дажбы, проследил за взглядом младшего из их печици, и, уставившись на маленького Владелина улыбнулся, едва приподняв кончики своих тонких огненно-красных губ. Оно как Владелин очутившись на земле, немедля принялся разнимать толкающихся меж собой Миронегу и Златовласу, и тем наводит присущий его разумению порядок.

– Ты говоришь о мальчике, к каковому так благоволишь? Что-то видел? – спросил серебристо-нежным тенором Огнь, ощущая и сам невыразимую нежность к этому ребенку, возникшую как-то мгновенно, стоило лишь давеча увидеть его в космическом хуруле.

– Да, о нем... Я говорю о Владелине, – все тем же вроде потухшим голосом ответил Дажба и сдержал свой шаг, желая продолжить беседу с тем, кто его понимал и без слов, и был особенно ему близок. – В нем, что-то есть... Я это все время вижу, но не могу понять... Чувствую к нему такую теплоту, нежность. Эта чувственность возникла во мне сразу, как только я вошел в гнездилище хурула и увидел его там... Мне кажется мальчик так ярко засиял, что все пространство вокруг меня пропало и остался только я и это дитя. И немедля возникла к нему привязанность, от оной я уже не смог отвернуться. Я хотел было поговорить о том с Першим... Но он последнее время почти не выходит на связь, а Ляды мне сообщили, что в Северном Венце, где ноне находится его пагода проблемы с соединением.

– Наверно у Першего, что-то случилось, абы и со мной он прекратил как таковое общение... Что на него в общем не похоже. Но я сообщу о твоём желании встретиться с ним Вежды. Тем паче брат находится в соседней, Млечному Пути, Галактике Багряной Зимцерле. Скажу, что ты расстроен, и уверен, Отец непременно, в ближайшее время с тобой свяжется, – легкими серебристыми переливами тенора отметил Огнь. Меж тем не сводя глаз с маленького Владелина который наконец-то разнял дерущихся мальцов и сжав свой маханький кулачок ткнул его в нос Миронегу, не ударяя, а данным действием стараясь урезонить неправого. – А, что же ты видишь по мальчику? – поспрашал он немного погодя вельми заинтересованно.

– Он очень необычный ребенок. Его суть обладает удивительной мощью, и так лучисто сияет уже сейчас... Наверно он будет безраздельно благодетен и справедлив. – Принялся пояснять Дажба, словно ощупывая взглядом ярко-голубых глаз Владелина, тело одного слегка зримо вздрогнуло. – Так и своеволие. Он никогда не будет подчиняться общепринятым суждениям и мнению. Всегда будет ратником, борцом за все светлое, что есть в этом мире, за саму жизнь в нем. Однако...

Рас на малеша смолк и прорезал взором расстояние меж собой и маленьким мальчиком, который уже отвлекся от угомонившегося Миронегу. Владелин опустил на корточки подле только, что, будто по волшебству, возникшего низкого растения сильно опушенного лопатчатыми, зелеными листьями и присыпанного сверху колокольчатыми, голубыми цветками с розовым глазком внутри да принялся заворожено касаться то его глубокой чашечки, то колышющегося венчика. Лицо мальчонки нежданно встало пред очами Бога, словно его, выхватив издалека, стремительно подтолкнули к Дажбе. Встрепенулось, пошло рябью окружающее юнца со всех сторон пространство, ярчайше проступили его крупные глаза, где верхнее веко образывало прямую линию, слегка прикрывая радужную зеленую оболочку ока, признак клеток Небо. И перед Дажбой промелькнуло почти не осязаемое видение. Залитая солнечным светом покатая долина, поросшая высокой, такой же зеленой, как и глаза Владелина, травой покачивающейся от легкого дуновения ветра. Плотный туман поднимается из ее глубин и покрывает мельчайшими каплями росы. Еще сиг и лошадиное копыто ступает в ту траву, сбивает вниз прозрачные росинки, мнет зеленые побеги. Сверху на скачущем гнедом жеребце восседает Владелин. И то уже не младенец, а юноша, обряженный в красную рубаху да бурые шаровары, в руках которого оружие грядущего самострел. Оголенная голова Владелина блестит усыпанная капельками пота, а на макушке топорщится лежащий волнами светло-русый с золотым отливом чуб... Вроде бы то и лицо Владелина, а вроде бы и нет... Одначе, миловидные черты того каплеобразного лица дюже приятны, в них нет присущей мужчинам мужественности, лишь покатая нежность. Конь юноши, свершая махонистые шаги, идет вдоль выстроившегося войска, вооруженного также оружием грядущего: самострелами, стреляющими свинцовыми пулями и камнями, мечами, бердышами, кистинями, айбалтами. Сами ратники обряжены в тонкие кольчуги, на головах у одних из них полусферические с возвышением на макушке али куполо-

образные шлемы. У других шкуры волков и медведей, надвинутые таким образом, что головы зверей с оскаленной верхней челюстью и горящими каменными очами смотрят вслед Владелина.

И сызнова заколыхалось пространство околот лица ребенка и откинуло его от Бога так, что он, не удержавшись на присядках, повалился на оземь. А Дажба, будто глотнувши воздуха, не просто ртом аль носом, а похоже всей своей плотью еще тише досказал:

– Видел... Я видел его грядущее, не в этой плоти... а в иной... Достаточно далекое, и с тем однако сберегшее и его строптивость, и ум, и любознательность. Точно он в противовес всему сумеет схоронить в себе собственную суть. Словно у него особое естество, не такое как у иных детей, людей... Человек с удивительным естеством, всегда ступающий вперед, по ему одному ведомому пути.

– Так быть может не стоит его ставить у начала раз он такой строптивец? – вмешался в разговор Расов приотставший от иных Богов Словута, только сейчас поравнявшийся с Дажбой и Огнем.

Это был высокий, менее крупный телосложением чем Воитель, Рас, если таковое сравнение можно вообще применить в отношении довольно сухощавых Богов. Его лицо словно правильный круг, где высота и ширина были практически однотипны, явственно живописало присущую мужам непреклонность и нестигаемость. Небольшой вздернутый нос, толстые, плавной формы сизовато-красные губы, которые во время улыбки (что было значительно редко) растягивались в виде дуги, опущенной вниз. Белокурые почти белесые, ближе к ковылю прямые, будто недавно остриженные, волосы и такого же цвета светлые усы были короткими, как и островатой формы борода.

Обряженный также важно, как и Дажба, в белую, долгополую, распашную рубаху да золотой плащ, Словута запястья и лодыжки свои роскошно укрыл не меньшим количеством тонких и толстых, серебряных браслетов. Оные напоминали извивающихся ящериц с удлиненными телами и четырехпалыми, короткими лапками да вздернутыми кверху долгими хвостиками, кончики которых блистали голубо-изумрудными хризобериллами. Обутый в золотые сандалии, Бог разнился с иными Расами своим и вовсе занимательным венцом. К ободу, что огибал широкой золотой полосой голову по коло, и украшенный мелкой пестровой яшмой, крепились три более узкие планки. Одна из них пролегалась позадь головы, а две другие подле ушей слегка с заостренными мочками и кончиками. Эти планки удерживали на себе бреющую в полете серебряно-золотую птицу. Птица по облику напоминала сокола, с таковой же пологой головой, с небольшим в полпальца клювом, из пурпурно-красного хризоберилла, серповидными крыльями, округлым и длинным хвостом, да мощными лапами. Сам сокол смотрелся совершенно живым, и оперение верха его спинки было серебристо-серого цвета, а макушки и затылка золото-рыжеватым. Чудилось планки незримо поддерживали птицу за края перьев, подле крыльев и хвоста, давая возможность изогнуться в полете для того, чтобы атаковать всех кто посмеет подойти ближе дозволенного к Словуте. Яркие сизые очи, словно прозрачные камения, вспыхивали огнями, а по оперению спины изредка пробегали почти голубые капли, тотчас вроде ныряющие под черные перья около клюва. И тогда птица вздрагивала всем своим телом, ее раскрытые, готовые к нападению и твореные из золотисто-желтого драгоценного камня лапы с мощными пальцами и когтями, торопливо сжимались, а погода уже медленнее раскрывались.

– Стоит, – молвил вельми мягко Дажба и слегка качнул головой. – Ибо он будет всегда справедлив в отношении своих товарищей. Всегда будет стараться сделать их жизнь, и их самих правильнее и светлее. Нет, этот мальчик... муж будет лучшим правителем из всех тех, которые вступят после него во власть. Он будет идеалом, ибо жизнь близких ему людей... жизнь в целом каждого человека для него бесценна.

– И что же тогда тебя тревожит? – поспрашал Огнь, чувствуя в словах Дажбы недосказанность.

Боги между тем уже дошли до полосы, на какую дотоль выпускали из своих недр суда прибывших поселенцев и остановились. А восьмиконечное капище, негусто пыхая, теперь голубоватыми парами света виденного лишь Расами, медленно стало приближаться к площадке, стремясь опуститься точно в середину проложенных по каменной ее поверхности более светлыми тонами кругов.

– Не знаю, – произнес Дажба, похоже, и сам беспокоясь той недосказанности или не в силах передать своим братьям то, что его волнует. – Не могу понять, что с мальчиком не так... В нем есть что-то недоступное моему взгляду.

– Может он не первая искра? – снова певучим, объемным басом вклинился в толкование Словута. – И цверги, что отбирали детей на Зекрой, ошиблись... И этот мальчик, каковой так тебе, милый малецык, дорог должен был погибнуть? Хотя он так сияет, это видно сразу, стоит лишь на него воззриться.

Беседующие Дажба, Огнь и Словута стояли чуть в стороне от иных трех Расов и вели едва слышимый разговор, будучи младшими в печице, оттого и связанные меж собой молодостью или, как скажут в будущем земляне, утром жизни.

– Нет, цверги не ошиблись... Это первая искра, такая мощная, порой ослепляющая меня своим светом, – ответил Дажба и развернулся так, чтобы более не смотреть на уже поднявшегося после падения с земли и присевшего на корточки мальчика, все поколь любующегося расцветшим растением. – Однако в нем все так удачно спаяно, будто кто-то особо старался придать ему ладности, и той нестерпимой лучистости.

– Отпрыск Небо, – то ли утверждая, то ли вопрошая изрек Словута, так будто на это мог ответить ему лишь Дажба.

– Да, по общим чертам присущим его облику, – впрочем проронил не Дажба, а Огнь и голос его заиграл серебристыми песенными переливами. Он незначительно повел рукой в сторону мальчика, и кожа на ней приобрела молочно-белый цвет. – И, судя по всему, он именно потомок Небо... не Дивного. Ну, а искра...

– Искра его должна быть клеткой Отцов... Только клетки Отцов забирались с Зекрой, Першие отпрыски остались там, – негромко сказал Словута и почему-то мало ощутимо содрогнулся, словно испытал жуткое и с трудом выносимое физическое да единожды духовное страдание.

Бог медленно повернулся и воззрился на уже притулившийся к площадке корабль, из раскрывшихся створок коего выкатилась лестница. И это уже был не луч света, а каменная, как и полагается с вельми широкими ступенями лестница. Словно раскатывающееся полотно, неторопливо, то серое покрытие зависло в воздухе, а посем все также медленно начало раскладываться вниз, выбрасывая из себя одну за другой ступени. По первому вниз, потом вперед... вниз... вперед. И вот вже твердая его грань воткнулась в каменное полотно уложенной площадки образующей единую и ровную гладь.

– Да, ты прав, – произнес Дажба, обращаясь к Словуте. – Тут клетки наших Отцов. Цверги, как мной и намечалось, забрали только своих, о том ими мне было не раз доложено, еще на Зекрой.

Густоватый, серебристо-голубой дым выпорхнул из проема судна. Он заполнил и сам тот прямоугольный с округлым верхом промежуток и степенно спустился вниз.

Еще морг тишины и Боги, стоявшие на мостках центральной улицы нового людского поселения, повернулись к лестнице, на лицах их застыло выражение легкого напряжения. Схожего с тем, каковым смотрят на тех кого давно ждали, и чей приход по неведомой причине задержался дольше положенного... И в тот же миг из дымного марева на белую ступень шагнул Он – один из старших сынов Родителя и первый в печице Расов, Зиждитель Небо.

Бог подобно своим сынам и братьям, был высок, сухопар. Хотя про Небо можно было сказать, что он дотоль был истощен многодневной голодовкой, посему уже лишился и жира, и мышц, и точно самой плоти. Тем не менее кожа Бога имела положенный ей молочно-белый цвет, озаряемый изнутри золотым сиянием, сохраняя нитевидность оранжевых кровеносных сосудов и ажурно-паутинное переплетение кумачовых жилок. Схожее с каплей лицо, имеющее самое широкое место в районе скул и сужающееся на высоком лбу и округлом подбородке, смотрелось вельми осунувшимся, со впалыми щеками, и выпирающими скулами. Однако при всей видимой не здоровости и сухости тела небесно-голубые очи Небо, глубокие и наполненные светом, как и бледно-алые губы изогнутые в чуть зримой улыбке, поражали особой теплотой жизни. Обрамленное до плеч вьющимися, можно даже молвить плотными кучеряшками волос, ликом Небо оттенялось золотыми его переливами. А такого же золотого цвета усы и борода покоящаяся завитками на груди, еще больше озаряли облик старшего Раса.

Небо, одетый в золотую распашную рубаху, достающую до колена с укороченными до локтя рукавами, небесно-голубые шаровары просторные подле щиколотки и собранные на резинку на стане, был обут в схожие с Воителем сандалии, с загнутыми по стопе краями и ремнями, огибающими поверх голени штанины. Высокий венц находилась на голове старшего Раса. Узкий обод по колу украшали восемь восьмилучевых звезд. Из углов этих звезд вверх устремлялись закрученные по спирали тонкие дуги, созданные из золота и украшенные изображениями рыб всевозможных видов. Дуги сходились в наверхие, испуская из себя яркий голубой свет, в каковом словно в Солнечной системе в центре светила светозарная, красная звезда. Она рассыпала окрест себя желтоватое марево перемешивающееся с голубой пеленой, придавая местами и вовсе зеленые полутона в коем двигаясь по определенным орбитам, вращались восемь планет, третья из оных перемещала по своей глади зеленые и синие тени.

Небо неспешно спустился с лестницы, и, остановившись на ровной каменной площадке, замер. Он все также неторопко приподнял голову и посмотрел на растекшееся над ним высокое, голубое небо, подобно колыхающемуся студню, скрывающему за той зримой чертой необъятные просторы Галактики Млечный Путь и чуть ошутимодохнул, стараясь вобрать в недра собственного естества сладко-горьковатый аромат юной Земли.

Прошли лишь доли секунд, и Зиждитель также медлительно перевел взор с лазурного небосвода и оглядел свою семью: братьев, сынов... своих сродников, подолгу задерживая взгляд на каждом из них, несомненно, впитывая в себя пережитое и оговоренное ими. Яркая красная звезда, кружившая в середине его венца неожиданно вспыхнула насыщенней и гуще так, что почудилось еще сиг, и она возгорится, а вместе с ней увеличили свое движение и вращающиеся подле планеты с едва проглядывающими обок них спутниками, астероидными поясами, пылью и мерцающими метеоритами. И в тот же миг под ногами Богов, духов и детей сотряслась земля, закачались деревья, растущие околот нового поселения, встрепенулись на них листья и растущие травы, гикнули гулками голосами птицы и звери... А засим и вовсе загудело, что-то то ли в высоком небосводе, то ли в глубинах земли и великий творец Солнечной системы своим бас-баритоном звучащим как бас, однако уступающим ему в глубине и мощи изрек:

– Что ж дети мои, продолжим наши деяния и труды да прибудет со всеми нами Родитель!

Глава четвертая

А маленький Владелин между тем занятый столь красивым кустиком растения усыпанного голубыми, манюсенькими цветками с розоватым в середке глазком, точно и не слышал того зычного говора Бога и не ощутил колебаний почвы, беспокойства обитателей Земли. Он восхищенный столь чудным и впервые видимым цветком, глубоко вдыхал его сладкий, тонкий аромат и улыбался. Мальчик гладил маленькие соцветия указательным пальчиком и довольно покачивал головушкой. Златовлас одним из первых поступил к Владелину, и, опершись измазанной в бурой земле ручкой о плечо товарища, суетливо зацыкал языком, выражая тем самым не меньшее восхищение внезапно выскочившему из почвы цветку.

Поселение, в которое прибыли мальчики было большим, однако оно не могло вобрать в себя всех детей. По этой причине таких точно деревушек было построено много. Разбросанные на значительном расстоянии друг от друга они и приняли в себя маленьких землян. Токмо в центральном поселении, там где было решено поселить Владелина, сразу чем-то поразившего, тронувшего Дажбу приземлилось довольно-таки мощное по размерам капище, во всех иных поместились значимо малые суда, так называемые околопланетные кирки. Детей распределили на воспитание между духами, и в этот раз их оставили по шесть на каждого пестуна, создав таким образом семью.

День от восхода звезды Солнца на небосвод до его захода в мале перетек в ночь... А за ним проскользнула неделя, коя включала в себя девять дней, оборот вокруг Земли ее первого спутника Луны... Пробежал месяц, который включал в себя сорок дней, оборот вокруг Земли ее второго спутника Месяца. Прошел год, каковой включал в себя триста шестьдесят пять дней, оборот самой Земли вокруг звезды Солнце... После второй... третий... четвертый... пятый ... шестой и седьмой.

В памяти детей и вовсе иссякли воспоминания об их непутевых родителях сгубивших и собственные жизни, и саму Зекрую, и всю систему Козья Ножка, когда-то находящуюся в далекой Золотой Галактике, в созвездии напоминающем разъяренного Льва. Лишь ярким пятном оставался у некоторых мальчиков в памяти сам прилет на Землю, выход из корабля и лежащие пред ними наполненные зеленью и солнечными лучами огромные пространства лесов и лугов... оземи каковую духи ласково величали Мать Земля. И дети, росшие без материнской и отцовской заботы, будто с обглоданными корешками поросль, также трепетно относились и к самой землице и ко всему, что обитало на ней.

Маленький Владелин за эти годы подрос, хотя так и не набрал положенной детворе полноты тела, оставаясь худеньким, вроде как не доедающим мальчиком. Однако уже и сейчас, в столь юном возрасте, и даже физически слабый в сравнении с иными, он проявил предводительские способности, и полностью взял главенство в своей семье не только над ребяташками, но и над самим Выхованком. Подчинив, можно даже сказать, подмяв под себя и Миронегу, и остальных четверых отроков, с каковыми проживал в одном срубе под неусыпным приглядом духа. Словом он управлял всей своей семьей... что значило семь-я, по количеству проживающих в срубе. И Златовлас, и Братосил, чье имя обозначало сильный братством, и Ратша (ратник), и Стогость (гостеприимный) полностью повиновались Владелину. И в том безропотном послушании не был повинен дух, особлива любящий и оберегающий избранного мальчика, ни Дажба почасту в него всматривающийся и голубящий его кудри, ни Огонь также не редко ему улыбающийся, ни Батанушко живущий в соседней избенке и весьма низко гнуший пред ним голову, то наполняло и властвовало в самом отроке. В нем, кажется, в избытке поместились врожденные лидерские качества, признаки духовной мощи, пред которой опускали руки даже более крепкие и сильные ребяташки. Влад в короткий срок мог остановить начавшуюся потасовку, выбрать только ему ведомым чутьем виновного, пожалеть слабого и внести в маленький,

четырёхстенный сруб, с одной комнаткой, живой дух. И потому никогда в доме Выхованка или как его называли ребятишки – вужа, не смолкал веселый смех или окрики задравшихся мальчишек коих разнимал Владелин, по сути своей благоволящий к справедливости и призирающий любые ссоры.

К девяти годам мальчик в сравнении с другими членами своей семьи вытянулся. Его тонкие руки мотылялись из стороны в сторону, как повисшие на порывистом ветру ветви дерева, что духи величали по-разному ива, ветла, ракита, лоза. Слегка покачиваясь туда-сюда так, будто его совсем не желали держать такие же сухопарные, длинные ноги, он однако поражал миловидностью лица и утонченными его чертами. Русые волосы Владелина малеша потемнели и слегка кучерявясь, покоились на его головке красивыми волнами. Такое же, как и у Небо каплеобразное лицо несло на себе глубокие зеленые глаза, в оных по мере взросления стали проступать не свойственные отпрыскам Расов коричневатые вкрапления. Смугловатая кожа под жаркой звездой Солнце, лишь на короткие месяц-два передыхающим за тучами проливающих потоки воды на землю, приобрела более темный цвет и порой отливала красноватым оттенком. Полные губы уже не живописали припухлости лица, а впалые щеки еще больше делали его похожим на старшего Раса. Кажущийся по малолетству чутко вздернутый носик теперь изогнулся в спинке и потянулся своим кончиком вперед один-в-один как у Небо.

Детвору духи с малолетства приучали к труду. Потому каждая семья, имеющая в своем дворе не только кокающих кур, попискивающих цыплят, горланящих поутру петухов, но и тройку-четверку круторогих коз, хаживали пасти животин на луга. В поселении собиралось стадо и возглавляющий по очередности его выпас дух, в сопровождении как своих так и нескольких соседских вскормленников, направлялся на весь день в раскинувшиеся за рядами могучных лесов луговые прогалины.

Выхованок чаще иных духов хаживал на таковые выкосы, оно как весьма любил привольность тех еланей Владелин. Да и сам дух учил мальчиков беречь просторы Земли, при них населяя ее удивительными творениями, або на то обладал особыми способностями, дарованными ему Богом... только не Расами, как он пояснял своему любимцу. Дажба покуда никак не загружал обучением детвору, толь ожидая их взросления, толь наставников, а поколь мальчишки осваивали не менее мудреную науку пастушьего и домашнего занятия.

Солнце едва осветило край горизонта, посеребрив своим светом небосклон. Его лучи раскрасили тот далекий рубеж, где сходились полосой свод и земля, в ало-золотный цвет с легкой примесью фиолетового полутона, столь нежного и поколь приятного для очей, на какой еще можно было глазеть и любоваться. Теплые потоки посланные далекой звездой степенно разогревающиеся и напитывающиеся жаром того газового гиганта уже достигли людского поселения и пробудили дозорившую ноне в еланиях семью Выхованка. Ребятня тягостно позевывая и потягиваясь, прихватив с собой узелки с неприхотливой едой: яйцами, мясом и сыром, под командованием вращающего головой Выхованка по-окивая на стадо скотинки, где все ж просматривались не только козы, козлята, козлы, но и баранье племя, впитав в себя еще пятерых соседских мальчиков, направились в луговину.

Детвора не торопко шла по хорошо утопанной стежке погоняя, порой останавливающихся и от рождения туповатых, овец али желающих углубиться в густые леса, оберегающие со всех сторон, как поселение, так и ездovou полосу, козье племя. Величественными вереницами стояли те лесные массивы округ земель юных поселенцев. И деревья те такие же молодые, полные сил поражали взор своим ростом, безмерным обхватом стволов. Стройные али наоборот изогнутые их стволы с блестящей или покореженной корой, но непременно могутно вскинутыми вверх ветвями держали на себе крупные, кожистые, будто напитанные соками листья не только зеленые, но и побуревшие. Внутри тех непроходимых чащоб таились низкие, тонкие, и вовсе юные поросли: дуба, граба, липы, бука, березы или ели, сосны, пихты, лиственницы.

Торопливо помахивая тонкими ракизовыми прутами, мальчики вели значительное по количеству стадо на раскинувшуюся, сразу за первыми рядами леса, боляхную в размахе елань.

Выхованок и Владелин нонешний раз ступали впереди иных детей, заняв места с одной и другой стороны головы стада, пустив поперед всех боевого и самого крупного козла Бешку, как оно и понятно отвоевавшего себе столь почетное право в крутых по силе и громкости поединках. Бешка был Выхованским козлом, и с ним считались все члены семьи. А сладить мог один дух, и даже Владелину временами перепало от крутого лба козла. Посему мальчик, благодарно предоставив Бешке шагать первым, иноредь оборачивался и поглядывал назад, где недалеко от него шел, с рыжеватыми завитками волос, неизменный его товарищ Златовлас. Юнец весьма подрос за время жизни на Земле, начав помаленьку набираться дюжести не только в росте, но и в ширшине. Верно, вскоре, лет этак через десяток, сие будет славный широкоплечий парубок, но днесь это смотрелся точно перебравший еды мальчишка с округлым лицом, прямым носиком и светло-серыми глазами, на которые временами напоззали сверху мохнатые белесые брови, вроде маленьких крыш с торчащими вверх уголками. Небольшой скошенный назад подбородок мальчика, указывал на него, как на личность весьма слабой воли, и скорей всего нерешительного.

– Злат! – кликнул имя товарища Владелин и махнул рукой, поторапливая шагать быстрее и нагонять его.

Рыжеволосый отрок тотчас пихнул задержавшийся с трапезы кусок сыра в рот и также суматошно принявшись его пережевывать, прибавил шагу, суетно переставляя полные ножки обутые в поршни-туфли сшитые из двух кусков кожи, каковые мягко огибали стопы. Сквозь небольшие отверстия по краю поршней продевались ремешки, которые затягивались на голени, точнее они обматывали ступню и голень, пролегая сверху по холщевым онучам. В сухую погоду мальчики носили поршни и онучи только в елани и леса, куда хаживали по ягоды и грибы, чтобы не поранить ноги, в поселении же в основном бегали босоногими. Детвору духи обряжали в льняные долгополые рубахи, красные да белые, оные свободно облегалы тело, а книзу смотрелись несколько распашными с длинными рукавами, сужающимися к запястьям. Небольшой круглый ворот стоечка с кожаной основой застегивался деревянной пуговицей, рубаха имела узкий разрез, посередь груди, стыки коих стягивались тонкой бечевочной завязкой.

Златовлас вскоре нагнал Влада, и, взмахнув тонкой тростиночкой огрел белую козу, что выбившись из общего строя, остановившись, поворотила вправо. Коза звонко мекнула и сердито трянула головой, пугая крепкими рогами своего обидчика.

– Чего ты? – спросил Владелин и гнежливо зыркнул на товарища. – Пошто ее огрел?

– А чего она из ряду выбилась? – откликнулся немедля Златовлас и спешно дожевав, сглотнул свою снесь.

– Не выбилась, а просто обернулась, – глубокомысленно пояснил Влад и кивнул на шагающих позадь козы двух молоденьких козляток. – Вишь за детками она своими приглядывает. – Мальчик широко улыбнулся и вовсе по-доброму добавил, – тревожится, чтобы они не отстали, да не обидел их кто-нить... таковой... шибко часто прутиком помахивающий.

Злат, как звали мальчика промеж себя в семье, почему-то горестно дыхнул, а после уже более миролюбиво посмотрел на белую козу и впрямь всяк раз оглядывающуюся и возбужденно мекающую идущим вслед за ней двум серо-белым козляткам.

– Нешто ты думаешь и у нас должна быть мать? – едва слышно спросил Златовлас, и повернув голову влево пугливо глянул на идущего с той стороны стада Выхованка, могшего единожды махом прекратить все эти смутно возникающие беседы в своей семье.

– А то... – словно ожидая того вопроса, отозвался Влад и смахнул с лица пряди волос, кинутых туда просквозившим подле ребят ветром. – Ты чего ж не видишь, что ли... У всего

есть мать и отец... у всякой животинки, птицы... Вона ты третьего дня сам глазел как наш Бешка Малену покрывал, как то выразился вуй. А после того укрывания знаешь чё будет?!

Отрок не столько спрашивал у товарища, сколько утверждал для него лично неоспоримую истину.

– Чё будет? – Злат, по-видимому, отличался не только слабой волей. Он то ли по малолетству, то ли от врожденных генов не обладал любознательностью и сообразительностью, каковая была присуща Владелину.

Да и вообще, коли говорить правду, вся любознательность, сообразительность, и, несомненно, ум в семье Выхованка, достались лишь Владу с пытливым, примечающим взглядом и своим мнением на все.

– А потом, потом будет козленок, а может и два, – молвил малец, и, повернув голову налево, воззрился на Злата, самую толику скривив уста, будто сопереживая таковой непобедимой тупости товарища. – Я это уже давно приметил, такое и вуй мне тоже пояснил. Вот и петух наш... вспрыгнет на курицу, топчется на ней, а погодя – бах! И на-ко тебе яйцо, и коли Выхованок не заберет, курица на гнездо сядет да цыплята у нас будут. Нешто ты это не замечал?

– ы..ы... никогда не замечал, – покачивая головой и колыхая своими рыжими кудрями, ответил Златовлас.

– Ну, тогда заметь. Скоро у Малены козлятки народятся. Это так месяца через четыре... во... во... сам увидишь, – произнес Владелин и почесал кончик своего носа.

Покуда ребята болтали, дорога, миновав густые леса, вывела стадо на махонистый пойменный луг, раз в году заливаемый водами протекающей недалеко широкой речки, а посему и носящий название наволока. Выхованок зычно кликнув, чтой-то Бешке махом направил его поступь, а за ним и всего стада в те зеленые травы.

– И у нас должна быть мать... Мать и отец, – дополнил свою речь Влад и туго вздохнул... так будто, что-то дуже мощно надавило на его тощенькие слабые плечики. – Знаешь, – продолжил он миг спустя, когда его ноженьки, обутое в поршни, вступили в высокие налитые зеленой ядерностью травы. – Я уверен у меня есть... или была мать... отец.

– Мать Земля, – откликнулся Злат уже давно заученные слова. – И отец наш Зиждитель Дажба.

– О! Да при чем тут Мать Земля, – пронзительно скрипнув зубами, возмущенно изрек мальчик. – Я не о том. Ты еще скажи о Матери Зекрой, каковая нас породила, единой жизненной силой, – сие Владу проговорил изречения Дажбы, кои он легко и враз запоминал. – Дубина ты бестолковая! – и вовсе обидчиво выплеснул отрок и лицо его исказилось. А все потому как не любил он, когда перебивали его мысли. – Дубина! – еще более вызывающе повторил мальчик и тяжело задыхался. Но так как в своей семье Владелин безгранично правил то в ответ не смог услышать, что-либо грубое, а посему также быстро успокоившись, принялся пояснять, – мать... Мать родила меня. Вот как эта белая коза принесла козлят, так точно и меня, и тебя, дубину, и всех других ребят родила мать... Мать-человек... Не Мать Земля, или Мать Зекрая, а человек, как ты и я, с ногами и руками. Понимаешь у всех есть мать у козы, курицы... даже у листочка-у него ветка, у травы – почва. У всего кругом. И только у нас нет матери, ну и отца тоже... Знаешь, мне часто снится один и тот же сон, – и отрок порывисто огляделся, словно страшась, что его подслушают и не столько Выхованок, сколько идущие вслед за ними ребята из иных семей. Однако уже не в силах скрывать таящееся внутри, досказал, – я вижу лицо... Очень ладное... такое ладное лицо. Оно такое вот, – и Влад схватив зубами ивовый прутик, освобожденные от него ладони сложил меж собой так, чтобы они образовали правильный овал. – Такое вот, – продолжил он, высоко вздымая губы и гутаря сквозь зажатый в зубах пруток. – Такое оно. – Еще морг и пруток вновь в руках Владелина, а не сводящий с товарища взора Злат, ошарашено покачал головой, будто впервые видел такую дивную форму лица. – И вижу я на том лице два больших глаза, точно занимающих половину его. Глаза те туманом слегка

прикрыты, аль подымающейся с под низу дымкой. И они такие чудные... темно-коричневые... ужо таких я никогда не зрел... Смотрят они на меня так ласково, как Выхованок и отчего-то враз хочется плакать... И тогда я пробуждаюсь и чувствую, что лицо мое мокрое.

– Плакал, что ли? – прошептал Златовлас и также туго, как дотоль вздыхал его товарищ, дохнул, по-видимому, услышав и впрямь чего-то тягостное или просто не доступное пониманию.

– Это наверно мать моя, – произнес Влад так и не отвечая на вопрос Злата, словно и не слыша его. – Мать или отец.

Владелин смолк, и, размашисто переставляя ноги, двинулся сквозь густоту травы, склонив низко голову, и почувствовав мощное томление в ней, вроде выплескивающееся горячеей зябью прямо в лоб.

Травы в нынешний год поднялись высоко и налились сочностью. Умеренно жаркий климат данного континента, особенно той его части, где жили Владелин и Златовлас, с теплой и мягкой погодой в прохладное время, с умеренным количеством осадков делали данное место особенно благоприятным для жизни. Круглый год или как учили детей духи, круглое лето, на материке стояла лишь положительная температура воздуха. В прохладный период времени температура колебалась от двадцати до двадцати пяти градусов, а в более жаркое от двадцати восьми до тридцати двух.

Вообще у землян было два времени лета: теплое и прохладное. Оба периода соответственно состояли из четырех месяцев, и еще имелся дополнительный месяц разделяющий их. Каждый месяц включал в себя сорок дней, потому лето насчитывало триста шестьдесят дней, к коим добавлялись пять дней, празднуемых в честь Великих Матерей. Месяцам Дажба, або то он большей частью занимался первой своей системой, и естественно устанавливал традиции и верования, даровал величания, в целом такие же простые как и все, что окружало детей. Новое лето, цветень, теплынь, ягодень, середень, увядень, спень, дождич, отишь так именовались месяцы. Новый год, коло коего начиналось первого числа месяца новое лето, когда жаркое время сменяло прохладное.

Густые облака, выпорхнув из-за косматых крон деревьев, высившихся с той стороны наволоки и реки, мохнатыми копнами поплыли навстречу идущим по травам детям и животинкам. Широкая река своим одним берегом почти вклинилась в первые рядья леса, желая тем медлительным течением подточить корни деревьев. Ближайший ее забок терялся в пойменных лугах, плотно поросшего по краю рогозой.

– Чуки! Чуки! – громко шумнул, на остановившегося Бешку, Выхованок и махнул рукой, и тотчас стадо одновременно встало стоймя, замерев на месте.

Животинки торопливо вздели свои покатые головы, взглянули на взмахивающего полупрозрачной рукой духа и незамедлительно да враз мекнув, принялись разбредаться по леваде, абы кормиться. А детвора также спешно направила свою поступь к Выхованку, ожидая его дальнейших распоряжений. Лишь Влад и Злат не двинулись к вую. Они застыли в густых травах пойменного луга, местами доходящих им до пояса и взволнованно оглядевшись, тем проверяя не смотрит ли на них Выхованок, мгновение спустя резво припав к земле, схоронились в той растительности.

– Владу! Злат! – долетел до мальцов зов их пестуна.

Да тока детки будто окаменели полеживая во травушке на пузах. Прижимая к оземи не только тело, руки, ноги, но и лица, уткнув их в слегка покалывающие носы и щиплющие щеки махие отростки, втягивая в себя сыровато-дождливый дух почвы, приправленный сладковатой сочностью зелени.

– Владу! Злат! – совсем близко от ребятишек прозвучал глас Выхованка, точно исходящий из глубин пустой посуды, а посему и звучащий гулко да раскатисто.

И неожиданно подле замерших мальчуганов колыхнулись травы. Они по первому пошли малой рябью, а погода по ним вроде пролегли покатые волны, постепенно пригнувшие их стебли к лежащим бугорками деткам. Травы резко склонили свои устремленные вверх макушки, дотронулись до буро-красной земли и выставили напоказ склонившиеся дугой тонкие стебли, явив духу прижатые к землице тела ребятишек обряженных в красные рубашонки.

Выхованок весь засветился неярким голубоватым светом, не только его каплевидная голова, но и все тело махом. Если бы дух мог улыбаться, имея уста, ноне непременно широко осклабился, так уж был он доволен этой постоянной шалости Влада. Посему, чтоб порадовать столь дорогого ему ребятенка, Выхованок резво вскинул вверх руки и также стремительно свел их меж собой. И они точно две длинные, тонкие плети свились спиралеобразно, сформировав нечто напоминающее огромное веретено, оттянутое к плечам духа и утолщенное к запястьям рук. Пальцы Выхованка и вовсе скрутились между собой живописав пряслице-грузик в форме диска со сквозным отверстием, служившим для утяжеления ручного веретена, а в данном случае исполняющее совсем иные цели. Дух стремительно крутнулся по кругу, свершив всем своим телом полный оборот и из его рук-веретена прямо из полыхающей пряслицы вверх вырвались паутинные нити яркого света: голубых, розовых и даже желтых тонов. Нити энергично, точно тронутые порывом ветра, взметнулись ввысь и на маленько замерли там, вmale сбившись в плотные, рыхлые мятешки. Те мятешки только миг рассыпали по своей пористой поверхности лучистые брызги света, а потом суматошно начали плескаться красочными каплями вниз на все еще прилегшие к оземи травы. Точно в дождливую пору крупные капли тулились к изогнутым тонким стеблям трав и там где им удавалось, прильнув к побегам, зацепиться светозарным кончиком возгоралась малая росинка. Какое-то мгновение спустя росинка пыхала ядренистым светом и принималась выбрасывать из своей макушки вправо, влево, взад, вперед, словом во всех направлениях ажурные с заостренными али округлыми краями трепещущие лепестки. Еще, судя по всему, малая толика времени, и выпятились выспись округлые желтые соцветия, неспешно окрашивая в белые тона приткнувшиеся к ним тонкие лепестки, народившегося цветка явленного, посаженного, подаренного планете умелым мастерством духа.

Влад торопливо вздел голову и огляделся. Все поколь переливающиеся подле него россыпью света пестрели травы дивными соцветиями до этого момента еще не видимого ребятками. Светозарность мало-помалу спала с цветков, а рыхлые мятешки, обронив из себя брызги, днесь истончились до голубоватой и розовой дымки. Колыхая своими неосязаемыми боками, они вскоре расползлись в воздухе, верно потревоженные легкими порывами ветра, подымающегося в голубизне поднебесья. А погода травы с таящимися на их наверхних цветах, с желтой макушкой и белыми лепестками, испрямили свои стебли и слегка заколыхались, будто их тронула рука человека. И тотчас с земли вскочили Влад и Злат, да восторженно уставились на полянку вкруг себя, обильно усыпанную новоявленным цветком. Они задорно засмеялись и от радости захлопали в ладошки, рукоплеская, уже вернувшему прежний вид своим рукам духу, да наперебой закричали, загамили:

– Я!..Я, вуй, дам имя!

Выхованок опустил вниз руки, повесив их повдоль тела, словно ненужные лоскуты ткани. Его голова свершила очередной оборот промеж тела, молниеносно обозрев и кормящееся стадо, и притихших позадь него с раскрытыми ртами своих и иных вскормленников и гулко проронил:

– Владу! Владу даст имя!

– Да! Да! Да! – с упоением в голосе загаганил мальчик и подпрыгнул от довольства на месте.

– Сызнова... сызнова Владу... а кады ж я? – обидчиво протянул Златовлас и шмыгнул носом, словно собираясь разреветься.

Впрочем, после передумав хныкать, перевел взор с духа на товарища, замершего и задумывавшегося, и также как тот купно свел мохнатые, белесые брови, придавая тем самым серьезность своему добродушному лицу. А Владелин и вовсе сморщил носик, поджал губы и глубокомысленно оглядел столь дивные цветы, прилепившиеся к верхушкам прямостоячих, разветвленных стеблей, кажется, за время свершения чуда поменявших не только форму ствола, но и листьев. Желтые макушки цвета удерживали околот себя тонкие белые лепестки, напоминающие реснички Злата, отрок еще немного медлил, потом вскинул, как дотоль то делал дух, руку вверх и звонко изрек:

– Крылька! – и немедля с теплотой зыркнул на сияющего Выхованка. – Оно как дюже придивно ты, вучка, покрыл эту полянку.

– Пускай будет крылька, – откликнулся дух. – Крылька, – добавил он опосля и ярко блеснул голубоватым светом своих бездонных очей на мальчика. – Ладно ты придумываешь величания посаженным мною цветам и откуда это только у тебя. Владушко! – Выхованокдохнул имя мальчика и вовсе нежно, вкладывая в него, верно, всю красоту своей великой сущности.

– И чего тут хорошего... крылька! Тьфу да и только, – запальчиво воскликнул вскормленник Батанушки мальчонка по имени Граб.

Этот мальчишка прозванный так за нестандартно-широченые в сравнении с руками ладони, почасту конфликтовал с членами семьи Выхованка, всяк раз при том стараясь задеть Владелина.

– Смолкни! – прикрикнул на светло-русого Граба дух, да так шибутно, что на голове отрока затрепетали жидкие волосенки.

Выхованок совсем не желал, чтобы возникла ссора меж детьми и конечно, в первую очередь, защищал своего любимца Влада, лицо какового не мешкая подернулось от обидных слов.

– Не смей так говорить при мне, – дополнил дух свою речь и махнул рукой влево, тем самым направляя отрока сберегать стадо с иного направления левады. – Ступайте Граб, Кулота и Нерев по левую сторону и смотрите, чтоб ничего со скотинками не случилось.

Граб недовольно, что-то буркнул и сердито глянул на Влада, каковой уперев руки в боки глазел на него столь презрительно, словно видел пред собой вельми склизкую жабу. Впрочем, не став спорить с духом малец медленно повернулся и поплелся туда, куда ему велели, обходя разбредшихся по лугу коз слева.

– И чего он все время ерничает, – обидчиво воскликнул Злат, вроде то им придуманное величание вызвало недовольство Граба. – Так красиво придумано. Крылька... – ласково протянул он.

Мальчик тотчас склонился над цветом, сорвал три тонких стебелька украшенных соцветиями, и, поднеся их к носу, втянул в себя аромат чем-то напоминающий яблочный запах.

– Потому как он завидя, – сердито отозвался Миронег, и, порывчато сжал руки в кулаки, тряхнув головой, волосы на каковой за время жизни на Земле также слегка побурели, став средне-русыми. – Надобно ему надавать, чтоб не задирался.

Хотя честнее будет сказать, что задирался именно Миронег... всегда и ко всем, потому и получая чаще иных, однако при том дюже слушааясь во всем Владелина.

– Не надобно с ним драться, – торопливо молвил дух, и, махнув в противоположную от удаляющегося Граба сторону, повелел остальным ребятам во главе с Миронегом сберегать стадо справа.

Миронег еще чуток важничал то ли желая обратить на себя внимание Влада, принявшегося шушукаться с Златовласом, то ли просто потому как был весьма несговорчивым мальчиком, но после неровно выдохнув, направил свою поступь вглубь левады обходя стадо, как и указали, справа.

– Ты, вую, ничего из наших разговоров не болтай, – торопливо шепнул Владелин подосшедшему Злату.

А посем суетливо вырвал из рук товарища, сорванные им цветки, да сунул их малые с ноготок соцветия себе в лицо, глубоко втянув тот изумительный луговой дух тока, что народившегося творения. Выхованок меж тем зорко следил за удаляющимися ребятами. Когда же они разбрелись по елани да утоптав круглые пяточки, опустили на них по двое, перевел взор на стоящих в нескольких шагах от него двух мальчиков и очень тихо сказал:

– Владу, ты вновь турусы разводишь с Златовласом об отце и матери... Я тебя, о чем просил давеча?

Дух резко смолк, и одновременно с тем глаза его ярко засветились. Незамедлительно в ту чарующую глубину, где словно забились закрученные по коло тонкие лучи света собранные из мельчайших, солнечных брызг вонзился взором своих серых очей Злат. Влад же не мешкая отвернулся и для верности, не желая подвергаться и подчиняться силе духа, сомкнул глаза.

– Владу! – позвал Выхованок малеша спустя мальчика.

– Не буду смотреть! Не буду! – сердито отозвался тот. – И не удастся тебе вуй меня превратить в дубину Злата.

– Я и не собираюсь... Это судя по всему не в моей власти, – горестно молвил Выхованок. И прекратил вращение лучей в собственных очах, будто насыщенностью того света, осевшего кругом них пространство, отделил одного вскормленника от иного. – Я лишь хочу, – дополнил он. – Хочу, лапушка, чтобы ты не вел эти турусы с ними. Не зачем им знать то, что покуда не по силам им будет несть.

– А мне... Мне по силам?! – задиристо кликнул Владелин и стремительно повертав голову воззрился на духа, узрев еле заметное свечение его прозрачного тела. – И тогда... коли мне по силам... расскажи, что произошло со мной, со всеми нами... И где моя мать... такая... такая. – Он швырнул, на траву дотоль сжимаемые в руках цветы, и вновь свел вместе широко расставленные пальцы и края дланей, живописуя овал. – С таким вот лицом и бурыми, коричневыми глазами... большими... большими как у тебя.

– У нее были обычные глаза, – совсем тихо произнес Выхованок, и вроде испугавшись молвленного, незамедлительно вертанул головой по кругу оглядев не только раскинувшуюся позадь него луговину, но и лес, что широкой стеной подымался впереди. – И о том, что тебя так тревожит, не я тебе расскажу, а иные и погода... позже, когда позволит Зиждитель Дажба. А покуда ты не должен о том спрашивать... говорить. Не должен ее вспоминать. И никогда, я о том уже тебя просил, никогда и никому не говаривай какого цвета у нее были глаза. – И Выхованок сказал это таким тоном, что мальчонка почувствовал в его речи трепетный страх. – Придет время все станет понятным и ясным, а ноне сокрой... сокрой все мысли внутри себя, а иначе, – и вуй то уже прошептал, – а иначе мне тебя не уберечь от взора Зиждителя Дажбы. Ты и так слишком часто обращаешь его внимание на себя... и я все время опасаюсь за тебя, страшусь...

Владелин слушал духа очень внимательно, ибо он всегда чутко воспринимал молвь Выхованка, о том также свидетельствовал и приоткрытый рот, и напряженная поза рук, все еще живописующая овал. Глаза отрока всего-навсе на мгновение наполнились слезинками, в них блеснули пузатые переполненные солью воды, поглотившие, как яркую зелень радужки, так и крапинки раскиданной по ее поверхности коричневы, той самой беспокоящей его во сне. Он глубоко задышал, подавляя в себе слезы, то душевное томление кое его волновало, делало беспокойным. Выхованок наново едва зримо засветился и весь тот срок не сводящий с духа взору Златовлас, вроде окутанный голубоватыми испарениями, очнулся. Малец энергично потряс головой и глянул сначала на вуй, после на товарища.

– Утопчи траву, – строгим голосом указал Выхованок, обращаясь к Злату.

И мальчик не мешкая, шагнув в сторону от полянки крылек, помахивающих своими малыми цветками, принялся утапывать траву. Выхованок же медлительно, повернув свое тело, али быть может лишь голову, направился повдоль края левады оглядывая пасущееся

стадо, ребятишек да изредка останавливаясь на месте, сооружая из рук веретено, и усыпая кругом травы новым цветком крылькой.

Глава пятая

Владелин без сомнения был неординарным мальчиком. И это заключалось не только в возможностях его мозга сберечь в памяти образ матери, не только в способности разумно управлять членами своей семьи, но и в живости и цепкости ума, когда легко и быстро отрок запоминал и воспроизводил поучения духов. Мальчик почасту задавал весьма колкие и разумные вопросы, не раз приводившие в изумление Зиждителя Дажбу, Бога каковой и проводил занятия с детьми, поясняя строение Земли и всего того, что ее окружает.

Обучение проводили покуда не часто, всего-навсего по одному разу в месяц и дополнительно в те самые пять дней в лете, что были определены Богом как праздники. В месяце цветень праздник посвящали Матери Зекрой прародительнице детей. В месяце теплынь нынешней Матери Земле, тому самому месту... планете, что теперь кормила, взращивала и поила мальчиков. В месяце серединь Матери Любви, той, которая живет в каждом существе, создании и творении, и с помощью каковой не прекращается движение – круговорот жизни. В месяце спень праздновался день Матери Смерти, той, которая после жизни прибирала оброненные души, даря им возможность дальнейшего непрерывного процесса изменения и развития. И в месяце отишь день посвящали Матери Удельнице, что предопределяла удел и безостановочное движение души. То были, как учил Дажба, не Богини... а лишь Матери, оные тем или иным образом влияли на детей... и в целом на человечество.

В отличие от иных ребятишек, которым поучения Дажбы доставляли радость видеть Бога вблизи, слышать иль, ежели так повезет, прикоснуться к нему, то для Влада они значили совсем иное. Оно как с огромным вниманием и интересом внимал малец рассказам Зиждителя и словно впитывал в себя каждое оброненное им слово. Владелин, как и иная детвора, сидючи на нарочно для того установленных на площади лавочках, подле восьмиконечного корабля в первом ряду, вслушивался в рассказы о Матери Зекрой, воспринимая поучения с таким трепетом, и чуткостью точно старался в словах Бога найти разгадку томящих его суть снов. И если по первому Владелин токмо внимал тем рассказам, вскоре принялся задавать вопросы не свойственные столь юному возрасту и поколю, как считал Дажба, остающиеся без ответа... Все, что произносил Бог на таких занятиях, духи после всякое свободное время поясняли и вкладывали в умы своих вскормленников, много раз повторяя, а посему те поучения неназойливо приживались в них.

Влад опустившись на утопанную траву вытянул вперед ноги и поправил подол рубахи, разравнивая на ней каждую складочку.

– О чем мы с тобой болтали? – приземляясь подле товарища поспрашал Златовлас.

Владелин медленно повернул в сторону Злата голову, и осуждающе воззрившись на него, рывком дернул плечами. И враз от этого негодующего дрыга всколыхнулись его кудреватые, короткие волосы, да с не меньшим раздражением малец молвил:

– Мы с тобой вели разговор про мать... Мать и отца. – Мина удивления исказила черты лица Златовласа, глаза его некрупные округлившись, слегка выпучились. – Я тебе дубина, – уже совсем, гневно отметил Влад. – Сколько раз буду говорить, не смотри ты в очи Выхованка.

Нет! дух, не уничтожал, не стирал в мозгу своих вскормленников те или иные разговоры, события, ему это было не подвластно. Одначе, обладая, по людским меркам, необыкновенными способностями он мог покрывать их тончайшей дымкой и тем отодвигать по времени вдаль. Отчего данные разговоры, события начинали казаться весьма неблизкими, пережитыми, оговоренными когда-то... когда-то давнешенько, а потому более не тревожащими душу и вроде как ставшими не интересными. Лишь в отношении к Владу у Выхованка не получалось применить свои способности. Малец не то, чтобы не забывал разговоры, он просто мог противостоять силе духа так, что последний не смел даже воспользоваться собственными способностями.

– Не зачем, – продолжил немного погодя, остывший от сердитости, Владелин, и, улегшись на теплую, хранящую в себе аромат спелости, траву уставился взором в раскинувшееся над ним голубое небо по коему ползли мохноногие, пузатые облака. – Не зачем ему в глаза пялиться, а то нашто я тебе все рассказываю, объясняю... Ежели ты через морг начинаешь думать, что балякали мы о том с тобой дюже давно.

Златовлас еще чуток нависал над старшим товарищем, заглядывая тому в лицо и загораживая так любимое Владом бескрайнее небо, тяжело ворчая внутри головешки неповоротливыми увальнями мозгами, а погода улегся подле и вмаля уже протяжно засопел, судя по всему уснув.

Последний праздник в честь Матери Удельницы проходил почти два месяца назад, той Матери, каковая определяла судьбу каждого создания на Земле. И мальчик вельми четко запомнил его, не только поучениями Бога Дажбы, но и последующими событиями. Зиждитель Дажба в тот день говорил, расположившись на лавочках, поставленными полукругом, детям, что Мать-Удельница схожа с прядильщиком духом. Она восседает в неизмеримых, недоступных пониманию далях, величаемых Надзвездный мир, подле обычной прядки, таковой какая есть в каждом доме, и прядет волоски людских жизней.

– Каждому, каждому из вас она уже сплела удел, – добавил Дажба и обвел детишек сияющим, трепетно-любовным взором.

Позади Бога мощной постройкой возвышалось космическое судно, да только мальчики о том не знали. Они, большей частью позабыв, о как таковом его приземлении, думали, что это лишь величественное каменное строение, внушающее трепет и почтение, в котором проживали Боги. Меж собой отроки кликали данное строение-ковчегом, хотя духи требовали величать его – капищем. В основе капища лежала восьмиугольная звезда, и восемь основных, не менее могучих, построек располагались вокруг центральной. Само центральное сооружение имело, округлую форму и было увенчано шатровой крышей. Белые стены капища с покатыми фронтонами по глади без каких-либо отверстий плавно сужались к навершию и словно входили в шатровую крышу, где почти подле шаровой луковки просматривались небольшие четырехугольные голубоватые окна.

Дверей в капище не было, единственный вход в него скрывался густоватым серебристо-голубым дымом, через который совершенно не просматривались внутренние помещения. Каменная, белая лестница соединяла небольшой пяточок, лежащий пред проемом, с поверхностью площади. Заходить в ковчег детям не позволялось, нельзя было, так учили духи, беспокоить Небожителей. Впрочем мальчики и не посмели бы туда войти, потому как вельми боялись не только строго взора Дажбы, но и того самого голубовато-серебристого испарения всяк миг движущегося то вправо, то неожиданно влево, струящегося в разных направлениях мельчайшей капелью синего цвета по кучковатому полотну. Те капли то ярко перемигивались промеж друг друга, то вдруг замирали и миг спустя принимались медленно потухать. Весьма редко из того тумана выходили, словно выплывали Боги... и то в основном Дажба. Совсем нечасто дети лицезрели Воителя, еще реже Седми, Огня, Словуту, Дивного и всего-навсе один раз на памяти Влада из той завесы вышел Небо. И то старший Рас выступил из капища лишь для того, чтобы уставившись в раскинувшиеся над ним небеса, малость помедлив, плавно взмахнуть правой рукой.

Владелин очень четко запомнил тот незабываемый выход из капища Небо, и не только, потому как на его тело тогда навалилась слабость, а в голове резким колотьем прорезалась боль. Но и тем, что кажется, токмо доли минут спустя та острая боль сменилась на призывный, протяжный зов. А засим в дотоль голубоватой поверхности небосвода лучезарным светом вспыхнула маленькая искорка. И это зрелась не просто искорка, светящаяся крупинка, а точно с долгим хвостом, паутинкой, капелька воды. Крупинка света вскоре замерла в голубой дали и ярко засияла. Небо еще малеша всматривался в ту каплю, его чудной венец, живописующий

Солнечную систему, вроде исторг из планет, звезд и космического пространства блеклый свет превратив позитив в негатив, светлые тона на нем обернулись в темные, а черные вспять в белые. Старший Рас медлительно, подобно подвергнутой, какой неизлечимой хвори, развернулся и, вступив в серебристо-голубые испарения проема, пропал в капище.

Та же яркая каплеобразная крупинка осталась висеть на небосводе и призывно временами поблескивать, напоминая маяк. Влад почасту глядел на ту искорку, всяк раз близко принимая к душе и виденного старшего Раса, и его неспешный взмах руки, и сменивший цвет венца, ощущая острое беспокойство, как собственной человеческой плоти, так и внутреннего своего естества.

И теперь взирая на ту поблескивающую искорку, застывшую вдали небосвода и порой заслоняемую кудлатыми головами облаков или покачивающими остроносными отростками выпрямившихся трав, Владелин вспоминал последнее торжество в честь Матери Удельницы. Он словно вновь увидел бело-золотистое пылающее лицо Дажбы.

– Зиждитель Дажба, – звонко обратился к Богу какой-то мальчик, сидевший сразу за Владом, живший почти на окраине поселения. Он резко поднялся с места, желая напыщенным видом обратить на себя внимание. – А как зовут товарищей Удельницы?

Влад, услышав тот вопрос, гулко захохотал так, что пришлось прижать к рвущемуся на части животу руки, да закачавшись взад-вперед, не менее громко крикнул:

– Какие товарищи, дубина?.. Какие товарищи?.. У Матери Удельницы не может быть товарищей, дубина! У нее споспешники!

И немедля засмеялись и все другие ребяташки, особлива вскормленники Выхованка и Батанушки сидящие в первом ряду, и на общих праздниках никогда промеж себя не конфликтующих, а наоборот друг друга поддерживающих. Детвора, также как и их лидер Владелин, обхватила руками животы и указывая выставленными перстами на столь неудачно отличившегося отрока принялась величать того любимым словом Выхованка – дубиной. Мальчик лихорадочно дернулся, обидчиво расквасил свои пухлые уста и громко заныв, опустился на лавку, уткнув раскрасневшееся лицо в ладони.

– Тихо! – негромко молвил Дажба и его мягкий, лирический баритон, точно легчайший ветерок, вмиг пробежался по головам ребяташек, встрепав на них светлые кудри. – Не надо смеяться, – приглушенно добавил Зиждитель.

И на площади единожды махом нависла тишина, Бог чуть зримо шагнул в направлении Влада, опустил вниз голову так, что его весьма удлинённая тонкая шея, как почудилось детям, изогнулась в середине и добавил:

– Нельзя смеяться над ошибками других Владелин. Ибо неровен час можешь и сам оступить. И тогда. – Бог будто прожег своим взглядом голову замершего мальчика отчего нылая боль всколыхнула кровь внутри нее, на чуть-чуть застлала очи кровавым туманом. – И тогда подъем твой будет особенно болезненным.

Отрок торопливо встряхнул головой изгоняя тот туман и боль да дерзко зыркнув на Раса, не мешкая ответил:

– А чего он дубина такой, светлых споспешников нашей Матери называет товарищами. Нешто за сток дней не мог запомнить их величания? А коли не может запомнить, пушай тогда и не спрашивает.

Едва слышно простонал, что-то подле Владелина, поколь почивающий Златовлас, и, перевернувшись на правый бок, уткнулся своим лбом ему в плечо. Мальчик медленно повернул голову налево и посмотрел на товарища, рыжеватые волоски которого раскосмачено переплелись меж собой и травинками, склонившимися к его лицу, вроде желая стать с ним единым целым.

Влад ярко помнил, как от выдохнутых им слов на празднике по миловидному лицу Дажбы пробежала легкая рябь так, что, кажется, затрепетали его злато-русые долгие ресницы, слегка вскинулись вверх, изогнувшись, дугообразные брови, вздрогнули губы. Бог почему-то не ответил мальцу, словно соглашаясь с разумностью его молви. Он, погодив малеша, продолжил сказывать ребятам о космической дали в каковой подобно в озерце али реченьке колыхаясь, плавала их Земля, а на ее поверхности помещались огромные пласты суши и жили они – дети Расов.

Владелин так и не дождавшись похвалы или на худой конец хотя бы укоризненных слов от Бога, уставился очами на трепещущую густую завесу преграждающую доступ в ковчег. Все дети, не только так неудачно обратившийся с вопросом к Дажбе отрок, не только Владу, но и остальные мальчишки мечтали обратить на себя внимание Небожителей. Подаренный ребятишкам взгляд Дажбы или Воителя едва просквозивший по их лицам был всегда трепетно воспринимаем. А коли Бог заговаривал, так и вовсе, такой отрок долгое время считался счастливым, на него смотрели как на отличившегося, с ним желали общаться, дружить иль хотя бы подраться. Особой мечтой, наверно никогда не выполнимой, а посему желанной, было для ребятни попасть в само капище. Однако, в связи с тем, что доступ в капище детям был закрыт, возвыситься можно было и по иному. Ну, хотя бы ступив... пробежав по каменной лестнице, ведущей к проему в ковчег, не плохо и постоять на ней. Оно как пестуны не позволяли бегать по лестнице, всяк раз наказывая таких озорников, особой дерзостью считалось сотворить это на глазах духов. Мальчишкам хотелось выделиться, блеснуть необыкновенной смелостью, а посему вожденная лестница была той самой неприступной крепостью на пути ко всеобщему уважению всей ребятни. Без сомнения и Влад желал как-то выделиться, но он никогда не бегал по лестнице, расценивая это, как глупая выходка, не позволяя сие делать и членам своей семьи еще и потому, что очень любил Выхованка и не хотел его расстраивать. Нет Владелин мыслит масштабнее и, не желая скакать как козел по ступеням, мечтал войти в само капище, раздвинув, как ему казалось клубящиеся, голубо-серебристые пары руками. И хотя внушаемые Выхованкам детям мысли, что кроме Богов миновать завесу безболезненно не удастся и густоватая мга может и вовсе разорвать их тела на части, не пугали мальчика. Желание узнать, что же скрывается внутри ковчега, кажется, иссушало Влада, заставляя видеть ночами какие-то необъяснимые темные дали, с мерцающими на их глади звездными светилами, кои показывались ему, стоило лишь исчезнуть той туманной завесе.

Отрок также, будучи достаточно наблюдательным, заметил, что физически он много слабее других ребятишек. И коли раньше он многожды одерживал над ними победы, то по мере роста стал понимать, что у него нет той силы, каковая имела у Миронег, Братосила или соседского Граба. Да и с летами взросления желание драться в нем иссякло. Он, конечно, еще мог нежданно резко взорваться от колких слов и броситься на обидчика с кулаками. Однако все чаще отступал от того кто искал с ним ссоры, стараясь воздействовать лишь словами, столь разумными, пред коими ретировались и самые задиристые. У мальчика имела непрекаемая мощь духа, пытливость ума, и пред ней, несомненно, пасовали иные дети. Потому ребятня старалась не задевать Выхованскую семью... кроме конечно Граба. И вовсе как-то неопределенно тянувшегося к Владу, точно в ссоре с ним мечтающая раздобыть, в его лице, старшего и очень справедливого товарища.

Впрочем, слабость собственных кулаков, худоватость рук вельми расстраивали мальчика, потому как принимая участия в какой-либо потасовке он одерживал в ней верх не за счет резких ударов или разбитых губ, а в результате собственной несклоняемости. Способности перенести любую боль и уйти с поля боя последним, не взирая на ропот духов. Еще не ведая про себя всей правды, а именно того, каково место в поселение со временем он будет занимать, став его главой, покуда скрываемую от него духами, мальчонка не раз вопрошал Выхованка, когда на дворе темнело, и его семья погружалась в дремоту:

– Почему? Почему, вучка, у меня такие слабые руки и кулаки не бьют, так как у Брата и Нега?

– Твоя мощь в ином, – шептал сидящий подле ложа, на каковом почивали Влад и Злат, точно притулившийся на собственные полусогнутые ноги дух. – Твоя сила в уме... и еще в кое-чём. Ну, да ты о том Владу... лапушка узнаешь позже. Не кручинься, пестун мой ненаглядный, ты еще познаешь свою мощь... а дотоль не думай о том. Дотоль не горюнь.

Владелин, конечно, не тужил, то ему было не надобным, ибо жизнь в людском поселении своей простотой, близостью Богов и заботой духов была счастливой. Да только все же хотелось отроку обладать физической силой сейчас... не только не склоняемой мощью души, но и крепкими кулаками.

Потому и мечтания у мальчика были более значимые, глубокие. Если и достигнуть чего-то, так дотянувшись, дотронувшись пальцами до голубизны неба, горящей искорки на нем, каковую по непонятным причинам никто из ребятни не видел, и ежели стать ближе к Богам так, непременно, войти в само капище.

Быть может именно эту мечту, войти в ковчег, и увидел в очах отрока на празднике Дажба. Не оценил Бог разумности его речи, а просто устрасился за жизнь Влада. Посему после праздника, когда было позволительно всем расходиться, и духи повели своих вскормленников к домам, чтобы за накрытыми столами отметить день Матери Удельницы, младший сын Небо повелел семье Выхованка остаться. Вуй, как всегда, испуганно возрился на Зиждителя и поднятой вверх рукой сдержал поступь своих мальчиков.

Уходящая с площади детвора иных семей также мгновенно замерла на месте, завистливо взглянув, как им казалось на таких счастливых удвоенных особым вниманием Бога, а погода поторапливаемая духами направилась по широкой улице к своим срубам. Дажба долго смотрел вслед расходившейся толпе детишек, также неспешно проводив в путь, закачавшиеся от незримого поднятия духами, лавочки, двинувшиеся вдогон за хозяевами. А когда гам подле площади утих, перевел взор на стоящих возле Выхованка шестерых отроков. Он в упор, что в отношении Влада делал не часто, глянул своими ярко-голубыми очами прямо ему в лоб, отчего голова последнего, тягостно дернувшись, подалась назад и, протяжно выводя слова, сказал:

– Владелин! – отрок торопливо вздернул, точно наполнив голову кровью, и, не мигая уставился на Расу. – Ты не должен более растить в себе, сие зорное и не нужное мечтание... Мечтание проникнуть в капище. – Бог сделал особое ударение в своей речи на слове мечтание, стараясь указать на его суетность. – Придет время Владелин и ты войдешь в капище не таясь, а так как положено сынам Богов. Однако до того времени более не тереби себя пустыми, зорными мечтаниями. Ты слышишь меня, Владелин?

Мальчик медлил самую малость, и в том очень коротком промежутке времени, все еще ощущая давление в голове, нежданно увидел перед очами наполненное чернотой звездное небо, единожды близкое и далекое. Сине-фиолетовая его гладь полыхнула блеклым светом и по нему поползли в разные стороны серебристые звезды. В доли секунд они заполнили своими фигурами все темное пространство и густо замерцали, точно сигнализируя. Влад глубоко вздохнул, и ночное небо стремительно сменилось на голубую лазурь, а посем на встревоженный взгляд очей Дажбы. Отрок рывком кивнул, тем движением выражая свое согласие с указаниями Бога.

Впрочем, избавиться от желания он не мог... Мучившее его во сне ночное небо с крупными звездами, звало к себе. Почасту тоскуя за ним, он томился и днем, да успокаивался лишь с приходом ночи, когда мог взглянуть в темный небосвод. Когда мог ощутить на залитых слезами щеках легкое шевеление ветерка и втянуть в себя насыщенную прохладу ночи.

И даже то, что Бог погода, будто стараясь убедить в будущем главенстве над другими ребятами Владелина, своей тонкой, светящейся и излучающей необъяснимый трепет ладонью

провел по его волосам. И той теплотой снял тяжесть с головы и успокоил растревожившееся внутри, и закачавшееся вправо... влево, сердце не смогли отвлечь Влада от вожденной мечты всенепременно узреть скрываемый Расами внутри капища свод. И может быть, отрок уже свершил данное безумное желание, если бы не Выхованок. Каковой тем же вечером, стоило только, семье устроится на покой, укрывая одеяльцем своего любимца, и подбивая один из углов его подушки, дрожащим голосом попросил оставить ту затею и не гневить Зиждителя Дажбу. Коли бы не вуй, которого мальчик любя не хотел расстраивать, Владелин уже вошел бы в капище.

Глава шестая

Далекую искорку света, мерцающую на небосводе и зримую одним отроком, закрыли облака. И ежели по первому сие были мощные белые субстанции, то к полудню, когда наконец, одолев сон, пробудился Злат, и, развязав собранные узелки принялся, громко чавкая, кушать, облака сменили свой окрас на серые, а спустя время и вовсе побурели, вроде обпившись воды. Они заволокли своим бессчетным количеством все небо. Еще немного и в том нависающем массиве перьевитости, внезапно промелькнуло лучистое долгое копейцо с острым наконечником. Прошло, верно, не больше нескольких мгновений и серебристая молния, по поверхности коей мелькали разноцветные крапинки света, выскочив из-под туч, энергично вдарила в землю, недалеко от притихших и наблюдающих за начинающейся грозой детворы. А затем в переполненных влагой тучах загрохотал продолжительно и раскатисто гром.

И также зычно вскрикнув, Влад и Злат вскочили с оземи, да, что есть мочи побежали прятаться от дождя в лес, где нарочно от непогоды, нередко изливающей воду на эту часть суши был устроен небольшой, можно молвить совсем крохотный сруб. Точнее даже не сруб, а высокий шалаш, твореный из струганных теснин ладно подогнанных и установленных наклонно друг к другу. Все щели в той куще были плотно заткнуты мхом, а сверху на стыке планок пролегал неширокий навес-крыша в виде сухого камыша переплетенного меж собой. Словом это было налаженное место для того, чтобы благополучно пережить непогоду.

Влад и Злат торопливо перескакивая через опавшие ветви деревьев, переплетенные плетущимися растениями, мхами, обегая молодую поросль и невысокие кусты вскоре нырнули, сквозь узкий лаз, вовнутрь шалаша. И только они сие сделали, как еще пронзительней загромыхало над кронами рослых деревьев небо, искристо засверкали рассыпающие крошево огней молнии и хлынул обильный, крупный дождь.

Прошло пару минут, и Влад приткнувшийся к стене кущи, услышал негромкий окрик, а потом в лаз проскочили Братосил и Стогость, оба уже изрядно промокшие. Отроки, упав прямо на ноги Златовласа и Владелина, весело засмеялись, да принялись утирать текущую воду с волос и лица. А над кущей продолжали низвергаться потоки дождя, ярко озаряли темное пространство краснолесья молнии и не смолкая ни на миг рокотал, вроде встряхивая землю, гром.

Ребята уже давно перестали хохотать и затихли, тревожно вздрагивая телами, к оным липились мокрые рубашонки и вслушиваясь в обрушение свирепствующей природы, когда, внезапно, Владелин, приподнялся с настила сухостоя, что укрывал пол в куще и обеспокоенно напрягся. Смятенно взглянув на шалашный лаз, он перевел взор, и, призывая к вниманию товарищей, чуть заметно мотнул головой в сторону, повелевая тем самым дать ему проход. Отрок торопливо вскочив на карачки, да расталкивая так и не понявших его Стогостья и Братосила, полез вон из кущи. Все также спешно выбравшись из шалаша он поднялся с карачек, испрямил стан и, застыв на месте, с тревогой огляделся.

Высокие деревья с густыми кронами, бурая серость грохочущего раскатами грома небосвода затемнили и сами просторы леса. Однако и в том правящем сумраке отрок погоды узрел, в нескольких шагах от себя, отделившееся от ствола дерева здоровущее создание. Существо было безобразно-пугающим и увидевший его, в сером мареве дубовы изредка вспыхивающей бликами молний, Влад похолодел от ужаса. А засим ему враз стало жарко... просто невыносимо жарко, запылала не тока руки, щеки, но точно и все его тело. Рост того создания, видимо, превышала метра два. И хотя оно было менее высоким, чем Боги, обаче, для мальчика показалось настоящим гигантом. Создание стояло на двух ногах и слегка горбатилось, его длинные руки касались земли. Шириной плеч существо и вовсе поражало, оно как их размах, судя по всему, превосходил метр. Массивного сложения туловище, с явно развитой мускулатурой,

поросло густой, бурой шерстью. Та короткая волосня обильно покрывала и лицо, а также росла на весьма широких ладонях. Низкий лоб и выступающее вперед надбровье малеша топило лицо внутри головы. Впрочем, трепещущий Владелин, ясно разглядел у того существа топорщившиеся круглые ноздри выпяченные вперед на месте носа, покрытые шерстью уста и совсем крохотные глазки.

Создание какой-то миг молча рассматривало отрока, а после, сойдя места, размашистой походкой двинулось к нему, и, вторя ухающему небу зычно зарычало.

– Скорей, скорей вон из кущи! – звонко закричал мальчик своим товарищам, и, наклонившись к лазу спешно махнул рукой. – Вылезайте из кущи! Скорей!

– Чего? – лениво протянул Стогость, и, поднявшись с расстеленного в шалаше сухостоя, уселся.

Да только Владелин, будто ощущая всеми волокнами своей кожи, плотью и, верно, душой исходящую опасность от приближающегося создания суматошливо схватил рукой ногу Братосила и резко дернул его на себя. Прилагая всю мощь, он зараз вытянул товарища из шалаша. Ошеломленный Братосил торопливо вскочив на ноги, развернулся, а увидев в двух шагах от кущи боляхное существо, истошно завопил. И звук тот был так высок и оглушитель, что резанул уши стоящего подле него Владелина и отозвался колкой волной боли в его голове. Братосил невысоко подпрыгнул вверх, и тотчас сорвавшись с места, рванул вправо, а подскочившее к Владу создание мощно ударило его своей ладонью по щеке.

На морг перед глазами мальчика поплыли плотные кучные облака, а в них заморгали ядерные капли разноцветного света. По-видимому, от того удара его отбросило в сторону и он ударившись об землю потерял сознание. Потому как когда облака перестали заслонять взор, Владелин ощутил острую боль во рту и увидел слегка пригибающиеся, склоняющиеся к нему длинные ветви деревьев, вроде жаждущие приподнять его с озери и покачать на своих мощных отпрысках. Еще чуток и Влад услышал душераздирающий крик. То вопил Злат, отрок сразу узнал голос дорогого его сердцу товарища и суматошливо поднялся. Густая тьма, выпорхнувшая из-за соседнего дерева окружила его со всех сторон и словно взяла в полон, али придавила своей массивностью. Однако, мальчонка спешно сомкнул очи, а когда открыл их увидел недалече от себя стоящее существо, удерживающее в вытянутой руке за ногу Златовласа, легохонько помахивая им вроде тростиночкой взад-вперед. Злат живописав дикое выражение на своем миллом лице и широко открывши рот, орал, при том мотыляя руками и свободной ногой намереваясь оттолкнуть от себя создание.

Владелин порывисто огляделся, и, заметив справа от себя мощную ветвь дерева, схватив ее руками, враз поднялся с земли. В первый миг от боли в голове его качнуло, однако превозмогая и ее, и сероватые испарения пред глазами, он побежал на существо, размашисто шибанув его той дубиной по горбу. Удар был и впрямь мощным, а может лишь неожиданным, потому как создание злобно взвыло и незамедлительно выпустило из рук ногу Злата. Мальчик, упав на землю, незамедлительно вскочил на карачки и пополз, а вmale поднявшись на ноги, припустил бежать из леса на леваду. Существо меж тем также резко, как пропал в темном краснолесье Златовлас, повернулось к Владу, и, приподняв вверх верхнюю губу, оголило белые зубы, почти ничем не отличимые от зубов людей, кроме как длиной и шириной, да шагнуло навстречу к нему. Малец уже было решивший бежать, краем левого глаза приметил выглянувшую из лаза голову Стогостя, и, давая возможность члену его семьи покинуть кущу, вновь взмахнул ветвью, стараясь ее концом огреть существо по голове. Да только создание тяперича ожидая удара, вскинуло вперед руку, и ухватило ветвь, молниеносно задрав ее кверху, а вместе с ней дотоль крепко держащегося за иной конец Влада. Отрок уже подлетев ввысь увидел, как Стогость вымахнул из шалашного лаза и побежал в ту сторону куда убежал Злат.

Создание же так мощно встряхнуло ветвью, что скинуло с ее конца мальчика, немедля полетевшего вниз. Крепко вдарившись об землю, наваленные ветки и стволы, малец ощутил

днесь острую боль не только в свернутой на сторону нижней челюсти, но еще и в изогнувшейся правой ноге, где блеснувшая белая кость, прорезала поверхность кожи, а также руке, груди и боку. Нападающее существо, не мешкая ступило вперед, и, протянув навстречу к отроку свою здоровую руку с короткими пальцами, ухватив его за материю рубахи на груди, рывком подняло ввысь. Владелин словно тряпичная кукла, какую мастерил им Выхованок, взмыл вверх и увидел перед собой мерзостное, поросшее кудлатой шерстью лицо. Широко раскрылся рот существа и оттуда на отрока дыхнуло кисло-жгучим запахом крови аль то просто переполнился его рот ядрено-пахнущей юшкой, каковая принялась струиться из правого уголка губ. Создание слегка отвело в сторону висящего на рубашонке мальчонку, очевидно, желая его запустить. Да только Влад резко выбросил вперед левую, все еще действующую руку, и цепко схватил нападавшего за большое оттопыренное ухо. Таким образом, что все ухо оказалось в сжатой ладони отрока. Зверь ли, человек ли... сызнава зычно взвыл, и, выпустил из руки материю рубахи, отчего малец теперь повис токмо на его ухе.

– Остановись! – пронесся гулкий голос приказ по лесу.

И Владу выпустив дотоль сжимаемое ухо соскользнул по шерсти нападавшего вниз. И сызнава упав на землю, буйно покрытую опавшей листвой да невысокой примятой травой, застонал от нылой боли во всем теле. Через сквозистый туман, выросший единожды махом пред очами, он нежданно разглядел широкую подошву ноги, покрытую патлатой шерстью, занесенную как раз над его головой. Лишь морга хватило отроку, чтоб резво крутнуться влево. А по лесу наново прокатился зычный глас... такой, что покрыл грохотание небес, остановив биение молний и капли дождя. И ежели, в первый раз раздался голос Выхованка, второй глас, очевидно, принадлежал Богу. Это мальчик понял немного погодя, когда в странное создание, стоящее в шаге от него вдруг вдарил тонкая стрела молния и словно пробила его тело с головы до ног... И тотчас оно ярко вспыхнуло странными такими голубоватыми бликами огня, точно пляшущего по самой поверхности шерсти. Существо сделало несколько долгих прыжков вправо, от лежащего Влада, и рывком содрогнувшись, повалилось на землю, выпустив ввысь мелкую россыпь голубых капелек от объятого пламенем тела.

Тяжело дыша и давясь кровью переполнившей сомкнутый и свернутый на сторону рот, нос Владелин надрывно затрясся от боли, когда к нему подскочил Выхованок, и торопливо опустившись подле с невыразимой болью своих крупных очей, обозрел вскормленника.

– Отойди! Отойди скорей! – протяжно молвил Дажба, и, подступив к духу, протянул свою длинную руку к его голове.

Да только Выхованок не выполнял повеления Бога и не трогался с места. Он стремительно подхватил тельце мальчика на руки и прижал к себе, будто стараясь скрыть его в своем чреве.

– А!..А!.. – гулко вскрикнул малец и на миг пред его очами проплыли кучные бурые тучи принесшие ноне непогоду.

– Выхованок! – тот голос не принадлежал Дажбе, он был иным... густым басом, будто оглушающий гром.

Дух еще сильнее вдавил тело мальчика в себя и Владу показалось, что он задыхается. Кипучей волной из нежданно открывшегося рта выплеснулся поток крови, а часть его обрушилась в глотку и придавила своей склизкостью легкие.

– Что ты делаешь? Ты сейчас убьешь мальчика! – сие Влад уже не слышал, голос Дажбы долетал откуда-то издалека, словно из космической, темной дали нежданно вставшей перед очами.

Та мгlistая даль ярчайше полыхнула на отрока своим серебристо-насыщенным веретенообразным телом, словно испещренным пылевыми включениями, да окруженным сверху и снизу волокнистой бахромой. А миг погода на бликах того тела выступил образ человека. Он сначала был вроде слит с темнотой парящей окрест, а после явственно живописался. И

тогда Влад увидел человека с черной кожей, слегка отливающей золотым сиянием. На схожем с каплей лице, вельми осунувшемся, имеющем самое широкое место в районе скул и сужающимся на высоком лбу и округлом подбородке находился нос, с выпуклой спинкой, и острым кончиком, широкий рот с полными губами и приподнятыми уголками, да крупные глаза, где верхние веки, образуя прямую линию, прикрывали часть радужной оболочки. Большие очи, с темно-коричневой радужкой занимающей почти все глазное яблоко и окаймленной по краю тонкой желтовато-белой склерой, взглянули в упор на мальчика так, что он весь затрепетал от испытываемой в отношении них любви. Послышался едва различимый щелчок и Владелин вновь ощутил острую боль... сразу... и везде... в голове, руках, груди и особенно во рту. Еще морг этой боли, а посем образ человека исчез, и поплыли, закачали своими боками пред его глазами непроницаемые облака... облака такие же темно-коричневые, как дотоль видимые радужки. Они плыли долго и своим любящим взглядом ласкали, нежели Влада.

Глава седьмая

Первое, что услышал Влад, пробудившись, это ощущаемые не столько ушами, сколько собственной сутью, мозгом голоса Богов. И то, кажется, уже говорил не только Дажба... не только басил Воитель... то молвили все Расы, и вроде как единожды наполняли тугую голову отрока своими голосами, при том несомненно вступая в разговор лишь в свое время.

– Выхованок! – дуже далекий мягкий баритон Дажбы, будто огладил кудри на мальце. – Как такое могло случиться, скажи нам... Почему ты не отвечаешь?

– Его надо покарать, – этот голос принадлежал Седми или Словуте... отрок это так и не разобрал. – Ибо он нарушил замысел нашего бесценного Дажбы, сотворив недолжное.

И наново густоватые с рыхлыми телами облака плывут повдоль взора Влада, подпихивая, подталкивая, тормоша друг друга, точно суетятся, торопятся куда-то...

А в огромной круглой зале капища, увенчанной высоким прозрачным куполом, в каком, похоже, единожды отражались зеркальные стены, гладко отполированный кипельно-белый пол, и заглядывающее извне голубое небо, порой становящееся ближе своей бескрайней мощью, витали разрозненно-сквозные серебристо-голубые неяркие испарения. В середине зала на боляхной, низкой тахте, без спинки и подлокотников, напоминающей слегка вдавленное в центре дно озера, покрытой сверху набивной зеленоватой тканной полстиной, которая не просто плавно покачивала движущими нитями, а похоже, росла, изгибаясь в надобной форме, возлежал сам Небо. Обряженный в золотую до лодыжек рубаху, в своем венце на голове изображающим Солнечную систему, он лежал на правом боку, а изогнувшаяся поверхность тахты подпирала облокотившуюся на нее руку старшего Расы. В ногах Бога опираясь на извернувшуюся валом полстину, придерживающую спину как раз в районе поясницы, восседал Дивный.

Справа и слева от тахты на мощных голубых креслах, вроде как не имеющих каркаса, а посему принимающих очертания и форму сидящих, поместились младшие Боги, все кроме Дажбы. Расы были одеты без должного им блеска в золотые аль белые рубахи, только у Дажбы на руках и ногах все еще переливались широкие да узкие браслеты в виде перевитых растений, и на левых перстах руки, на каждом из них, находились крупные сапфиры, словно вросшие в саму его тонковатую кожу занимая там почти полностью среднюю фалангу пальца.

Дажба взволнованно прохаживался вдоль залы и иноредь останавливался подле замершего, как раз в центре меж тахтой и зеркальной стеной, Выхованком. Недалече от сидящего на кресле Огня, на небольшом округло-приплюснутом синем пуфике лежал здоровый с закрытыми глазами, верно почивающий, свернувшийся калачиком Владелин.

– Выхованок! – вновь останавливаясь в шаге от духа и воззрившись на него сверху вниз, молвил Дажба. – Кто тебя надоумил взять с нами Владелина?

Дух суматошливо опустил голову, и, выгнув ее загадочной формой так, что казалось она у него и вовсе свернулась, где-то в серединке, уперся взором в белый пол по каковому нежданно, тронувшись, поползли пухлые полосы света, точно присланные сюда солнцем.

– Посмотри на меня! – зычно изрек бархатистым баритоном Дивный.

И дух как-то неестественно крутнул своей вращающейся головой, одновременно желая не подчиниться и в тоже время не в силах справиться с указанием Бога. Голова его вдруг пронзительно скрипнула, подобно плохо смазанной части большого механизма, а засим словно на шарнирах провернулась по кругу и испрямилась. Крупные голубые очи духа пугливо зыркнули на Дивного. И тогда особой лучистостью бирюзы вспыхнули глаза старшего Расы, и тот необъяснимый свет разлился по всему главному яблоку, немедля поглотив остатки склеры. В наверхшие венца Бога еще ярче засиял плоский диск и мгновенно прокрутился вокруг своей оси. Еще миг невероятного свечения и глаза Зиждителя потухли, спало сияние с его венца и он, растягивая слова, медленно пояснил:

– Это, милый малецык, Стынь повелел взять мальчика. Во Владелине искра Першего, и мальчик из семьи паболдырей. Создания Димургов принесли его к Выхованку и велели, сославшись на просьбу Стыня, укрыть от наших глаз... велели воспитать.

– Нет! Нет! – пронзительно громко дохнул дух и весь затрясся, всем своим полупрозрачным естеством. – Они не велели... Нет! Они просили! Просили! И я не смог, не смог отказать просьбе Зиждителя Стыня.

– И зачем это понадобилось малецыку Стыню, что не могли забрать свои искры? – поспрашал басистый Словута, сидевший слева от своего отца.

Он едва заметно развернул голову и посмотрел в бирюзовые очи отца, словно желая прочитать его мысли.

– Перший не хотел вывозить никого с Козьей Ножки, сказал тогда, что итак много дел в Галактиках. И эта просьба к духу звучала лишь от Стыня, наверно наш драгоценный малецык, желал таким образом спасти искры Отца. Не тебе Словута говорить о том, каковым изредка выдумщиком выступает наша драгость Стынь, – все тем же неспешно звучащим голосом произнес Дивный, каждым выдохнутым словом лаская имя Стыня.

– Куренты попросили от имени Зиждителя Стыня... попросили... – сызнава вклинился в молвь Выхованок и яростно крутнул головой. – Они сказали сам Зиждитель Стынь просит за этого ребенка. Хочет, чтобы я сохранил, сберег ему жизнь.

– Тогда почему же создания Димургов принесли тебе девочку, не мальчика? – сердито спросил Седми и для его медлительности весьма мощно стукнул ладонью по округлой с плавными линиями подлокотнице, на оной возлежала дотоль рука.

– Этому девочку... другим мальчиков, – пояснил весьма благодушно Дивный, точно радовался произошедшему и одновременно желал снять раздражение с Седми, кое вылилось искристой россыпью брызг вылетевших из тела Бога в направлении духа. – Слишком мало рожденных детей паболдырей приобрели клетки Першего, да обладали нашими мерками. Не так много мальчиков и эта девочка, все они в наших поселениях. Стынь велел отнести мальчиков духам, и почему-то решил сохранить жизнь этой девочке. Возможно, потому как она весьма ярко сияет, определенно, первая искра, удивительно даже как она могла попасть в паболдырскую ветвь. Просьба звучала от имени малецыка, и, несомненно, Выхованок не смог ей отказать, – словно защищая духа, протянул Бог. – Только одного я не могу понять... На хуруле, бесицы-трясавицы почему не сказали тебе, милый Дажба, что это девочка. И как ты, любезный мой не увидел, что ребенок физически отличается от других детей.

Дажба поколь стоявший недвижно, около духа, медленно развернулся к старшему из Зиждителей и малозаметно пожав плечами, произнес:

– Лисуны и водовики мне не сообщили, что это девочка. Хотя они знали, что мы забирали одних мальчиков. Почему так произошло не знаю, иначе ноне же выясню. А я... Я, Отец Дивный, не узрел физического отличия Владелина от иных детей. Одно могу сказать, в ребенке с самого начало было и есть что-то не подающееся моему пониманию. – Бог на морг смолк и напряженно задумался. – Я не могу пояснить, потому как допрежь такого не ощущал. Посему я предположил, что в грядущем отпрыски этого мальчика возможно повлияют на гибельный путь землян. Впрочем, и в отпрысках Владелина, как и в нем самом... вернее в ней, есть, что-то непонятное, скрываемое али прикрываемое туманом. Не могу о том вам пояснить. Мне надобно поговорить об этом ребенке и видениях его грядущего с Першим... Он меня поймет, но я уже который раз выходя с Отцом на связь забываю потолковать с ним о Владелине, а вспоминаю о тревожащем меня, когда наш разговор уже прерван.

– Ее следует уничтожить... девочка нам тут не надобна, она ломает все замыслы нашего Дажбы, – проронил Седми и его высокий звонкий тенор наполнился негодованием.

Бог неспешно вздел с подлокотника кресла свою руку, устремил вытянутый палец на лежащего ребенка, и на его кончике внезапно вспухла ядрено-красная капля. Она проворно

вырвалась из перста и понеслась с неудержимой скоростью в сторону почивающего Влада, от удовольствия приоткрывшего рот. Резкий щелчок, подобно однократному треску грома и ту горящую искру перехватила, сбив полет, полупрозрачная кроха света, тотчас обернувшаяся голубоватой каплей воды упавшей на полированный пол залы.

– После того, что он... точнее она сегодня совершила, – забасил на высоких тонах Воитель и неторопливо поднялся со своего кресла, что стояло подле Словуты и напротив Седми. – Я не позволю уничтожить ребенка. Дитя так сияет... И незрячему ясно сие набирается мощи искра и как можно уничтожить это чудесное творение. И потом, как ты правильно заметил, брат, Млечный Путь создан и находится в управления Дажбы и ему решать изменены ли его замыслы или нет. Да, и в этой девочке искра Отца... Першего... Если бы ты не был так раздражен на него, днесь, непременно, желал сохранить ей жизнь.

– Это девочка должна была погибнуть там на Зекрой, как и иные люди. Так было решено Отцом, коли ты про это толкуешь, малецык, – много ровнее молвил Седми, теперь не желая чем расстроить Воителя. – И то, что в замыслы Першего и Дажбы вмешался Стынь, оному мы все слишком сильно потакаем, не есть хорошо. И не столь важно, что это клетка, искра нашего любимого Першего. Важно, что жизнь этой девочки вносит разлад в общий строй замыслов Дажбы, ежели ты не понимаешь мой бесценный малецык... – возмущение Седми, кажется, вновь выпорхнув с под тонкой кожи, осыпалось россыпью искорок на материю его белой рубахи.

– Остынь! Прошу, малецык, остынь, милый мой, дорогой! – чуть слышно протянул Небо.

И шепот старшего Раса вылетев из его уст, многожды усилившись, накрыл своей густой массивностью залу. Успокоив возникшее беспокойство и несогласие между членами печищи, да заколыхав под сводом залы, скомковавшимся серебристо-белым, клубистым облаком, поднявшимся с под низу. Легкое дуновение ветра огладило кудри волос всех божественных сынов, вроде то отцовская рука Небо встрепала их, и под бело-молочной кожей Небожителей по тонким жилка ядреной лучистостью света пробежала капель света.

– Воитель прав, эта система создана для управления Дажбой, ему и корректировать замыслы, – еще тише добавил Небо, почти не открывая рот и словно выдыхая слова. – Да и потом девочка, на удивление, слишком светлая даже для паболдырей, что весьма странно.

В зале царил тишина, когда говорил Небо и его едва слышимый голос не просто разносился по помещению, он, по всему вероятно, наполнял все кругом. Ударяясь, как замкнутая в силках птица, в свод залы он проскальзывал сквозь него и шевелил серые тучи, стлавшиеся вне капища, по небосводу и все еще бывшие после прошедшей грозы. Небо устремил взгляд своих небесно-голубых очей на Влада, и добавил:

– И наш Воитель прав, дитя вельми ярко сияет. Это видно даже отсюда. Сие несомненно первая искра клетки Першего, каковая набирается сияния. Скорее всего эта или следующая жизнь будет для нее конечной. Так, что стоит ее сохранить... Сохранить, как я понимаю для малецыка Стыня. Даже поразительно, что искра выбрала себе плоть паболдыря, может это не спроста. Потому, коли Дажба не против, не будем ничего менять. Оставим все как есть, понаблюдаем за ней... Тем паче занимательно, как утверждает Дажба, что девочка будет правителем и от нее пойдет достойный род. И потом, ноне она показала себя со стороны величественного душой человека, способного пожертвовать собой во имя семьи, а это, значит, из нее вырастет уже сейчас высоко-нравственный человек. Понеже она достойна жизни и главенства над нашими отпрысками. Лучшее – лучшему!

Старший Рас проговорил свою часточко прерывающуюся речь протяжно, и в столь медлительном говоре не шевельнул ни то, чтобы рукой, ногой, головой, но даже и перстом. Похоже, и лицо его никак себя не проявило, ни одна жилка на нем не трепыхнулась, не дрогнула ни одна мышца, да, и малеша прикрытые золотыми волосками усов губы не колыхнулись.

– Небо, она в любом случае нарушает замыслы Дажбы, – прервал ту тишину не соглашающийся с доводами Отца Седми, вероятно, просто желающий сказывать против. И вновь вся его кожа особенно лицо точно заалело, принявшись покрываться бусенцами густых красных искорок. – Каждому из мальчиков уже предназначена женщина. Что Дажба будет делать с девочкой... кто подарит ей семью, отпрысков. Я же не буду указывать вяан друдам созидать отдельно для нее вторую грань существования. – Видно было, Бог в своем упорстве решил пойти до конца. – Как хотите!

– Если вы решите уничтожить дитя, я того не позволю... Вывезу его к себе в Блискавицу, – вступился за ребенка Воитель и неспешной поступью направился в сторону почивающей на кресле девочки, страшась, что не уступчивый Седми может вновь повторить попытку ее сжечь.

– Думаю, вяан друдов не придется просить, – теперь в беседу вступил Огнь, дотоль молчавший, и, повернув в сторону девочки голову, нежно посмотрел на нее своими радужнозелеными глазами. – Когда она вырастет, станет женицей и зачнет от меня. Это будет мой род, и он сбережет, и достоинство девочки, и мои коды. Я ноне готов, абы спасти чадо от смерти и переселения в Блискавицу, взять удел Владелины в свои руки.

Теперь Бог медленно поднялся с кресла, и, повернувшись к возлежащему Небо слегка прикрыл своим телом от Седми девочку, да чуть заметно тряхнул огненно-рыжими длинными волосьями, стянутыми позади головы в конский хвост.

– Изволь Огнь... Если желаешь взять удел девочки в свои руки, – протянул Небо и черты его встревоженного несогласием в печище лица расправились. – Я не стану противиться... только так, чтобы это не отразилось на иных наших творениях. Ведь в мале мы все отбудем отсюда.

– Да, желаю, – немедля откликнулся Огнь, и лицо его стало белоснежным, будто под кожей потух осеменяющий ее изнутри огонь. – Желаю взять удел девочки в свои руки.

– Седми, малецык мой, – весьма ласково протянул величание сына старший Рас все также лежащий неподвижно. – Тебя устраивает предложение Огня.

– Что ж я не стану противоречить малецыку Огню, но лишь в том случае, если таковой замысел одобрит наш Дажба, – уже менее распалено ответил Седми. – Пускай будет так, как решит наша милая кроха. Хотя я останусь при своем мнении, девочку стоит убрать. Не буду ничего говорить про мальчиков, паболдырей, они хоть и портят общий генофонд, но несут в себе искры Першего. Одначе, насчет девочки останусь при своем мнении.

– Я согласен с Седми, – поддержав брата, молвил Словута и мощная птица, замершая в полете в его удивительном венце неожиданно резко сомкнула, а погода разжала лапы, устремляя вперед свои острые когти. – Согласен девочку надо убрать. Не думаю, что надобно убирать мальчиков, клеток Першего. Но девочка здесь лишняя... во всех отношениях. Да и потом, ты малецык Огнь, вскоре отсюда отправишься в Ледный Голец, после будешь отдыхать... До этого ли тебе будет дитя?

Огнь сделал несколько шагов в направлении Дажбы, и, приблизившись к нему, бросил какой-то малозаметный взор понятный верно лишь ему одному.

– Девочка будет жить! – это сказал не Дажба у какого Огнь просил помощи, а Воитель, по-видимому, поступок Влады весьма расположил Бога к ней. – Ибо теперь в ней живет моя клетка.

Едва заметно затрепетали алые губы Небо прикрытые золотыми завитками усов, вроде Бог был недоволен услышанным.

– Да! – наконец вступил в молвь Дажба. – Я выступаю за замысел Огня, раз Земля в моем управлении днесь... как и в целом Галактика.

И тотчас взгляды младших Богов устремились на Дивного, сидевшего неподвижно, прикрывши очи, оставив лишь тонкую бирюзовую полосу света меж век.

– Мое мнение не отдельно связано с мнением Небо, – не торопко отозвался Дивный. – А брат уже сказал: «Лучшее – лучшему!». Так, что не зачем повторять. Девочка столь чисто сияет, что нет сомнений она-чудо... Нарождающееся чудо первой искры нашего Першего, каковое немощно уже уничтожить. Да и потом, в честь того, что мы нынче здесь собрались и столько потратили время решая простой человеческий удел... выступаю за ее жизнь, – точно высказываясь не просто за себя, но и за своего старшего брата, закончил Зиждитель.

– Огонь! Когда девочке исполнится семнадцать лет, возьми ее в женицу. И тем продолжишь ее род, – закончил дуновением своего гласа Небо, погашая несогласный ропот, отозвавшийся в Седми и Словуте. – А ноне приглядывай за ней, потому как в девочке теперь клетка Воителя. А ты, Воитель. – Старший Рас перевел свой взор на среднего сына и кожа того на лице порывисто замерцала золотыми переливами. – Более не смей даровать людям свои клетки, ибо это лишает тебя сил, что нашей печице не надобно... Тем более не спросив на это позволения у меня, Дивного или Седми. Ты слишком молод, чтобы принимать такие решения.

– Я просто знал, что ты Небо не позволишь излечить девочку ни мне, ни Огню, – незамедлительно откликнулся Воитель, и еле зримо качнулось его тело, точно пронзенное недовольным взглядом отца.

– Девочку бы вылечили лисуны, каковые еще находятся на хуруле... – сухо отметил Небо и так как Воитель хотел было, что-то произнести, верно, вступаясь за Владелину, покачал головой, повелевая ему молчать. – Но если бы даже бесицы-трясавицы ей не помогли... Ты, Воитель, не имел право жертвовать своими силами... Повторюсь, раз ты не уяснил, такие вопросы решаем только мы с Дивным и Седми. Ни ты... ни кто иной из младших Расов. – Голос Зиждителя прозвучал столь строго, что всколыхнул не только русые волосы спящей девочки, но и кудри всех младших Богов. – Вы нам с Дивным и Седми все вельми дороги... Мы, старшие Расы, тратим всю свою мощь, чтобы вам было легче... и потому не разумно так поступать, дорогой мой малецык, – добавил теперь уже нежнее Небо, и Воитель не мешкая, малозаметно кивнул. – И тогда последнее... Выхованок, – то Бог обращался к духу, каковой все то время взволнованно крутил головой, вращая ее вокруг тела. – Как теперь нам поступить с тобой.

Дух тотчас прекратил вращать головой и резко согнув тело почти в середине изогнулся, изобразив таким образом поклон. У него судорожно сотряслись ноги и потому, чтобы не свалиться он уперся пальцами в пол.

– Недолжно было ступать против наших повелений Выхованок. Недолжно было, – продолжил сказывать и одновременно дышать Небо. И теперь без сомнения голос его стал набирать силу, вроде он собирался объявить приговор над виновным. – Недолжно было выполнять просьбу Димургов, без одобрения Зиждителя Дажбы, ибо ты был прислан служить ему. Однако. – И мощь голоса Небо вырвавшись из его уст набрала стремительность, да вдарившись об свод залы, судя по всему упорхнула в небеса. Отчего его голубизна малость поблекла, а может то уже просто наступила ночь, коя своей серостью заслонила тот насыщенный, чистый свет. – Ведая, что духи не в силах противостоять просьбам Богов, я тебя на время помилую! Сберегу твою суть вплоть... – Небо на миг смолк и шевельнул вытянутой вдоль тахты ногой, слегка качнув разутой длинной стопой с неестественно долгими, худосочными пальцами. – Вплоть до достижения Владелиной двадцать первого лета, по меркам Солнечной системы. Тогда, ровно в день ее рождения, ты рассеешься, чтоб не было повадно другим духам.

– А до тех пор, – проронил Огонь и по коже его, снизу вверх, пробежала тонкая рябь искорок, жаждущая поджечь все кругом себя и особенно облегаящую тело золотую рубаху, едва прикрывающую колени. – До тех пор береги девочку, и чтобы больше ни один лишний волосок не упал с ее маленькой головки. Так как теперь удел ее в моих руках!

Выхованок торопливо крутнул головой, а в его голубых очах блеснул яркий свет, и было не понятно рад дух, что удел девочки теперь в руках Огня или грустит о словах Небо.

– И еще... – это Небо произнес совсем тихо, несомненно, утомившись от пережитых только, что треволнений за собственную печищу. – Откуда здесь взялся энжей?

– Он был изгнан из Выжгарта, как дикоман, – незамедлительно откликнулся Воитель, по-видимому, желая сгладить возникшую меж ними недомолвку. – С его болезненной необузданностью энжей не смогли совладать, потому и изгнали. – Воитель провел указательным пальцем по широкому венцу, пролегающему по его голове и удерживающему волосы от колыхания, и единожды махом сменил на нем цвет с красного на синий. – Шудякор весьма расстроился узнав, что энжей напал на мальчиков, ибо у них в поселении он убил допрежь того, как его изгнали, пятерых своих собратьев.

Глава восьмая

Выхованок медленно спускался по лестнице, прижимая к себе Влада, вернее молвить, Владу. Девочка все еще спала. Она слышала, сквозь крепкий сон, иноредь отдельно различные голоса и слова, сказанные Богами, но смысла самого разговора не уловила, как и не поняла, что с этого момента ее жизнь изменилась. Выхованок ступил с последней ступени каменной лестницы на площадь и остановился. Он неспешно повернул голову на сто восемьдесят градусов, и посмотрел на стоящего позади него подле завесы в капище Дажбу. Бог, пронеся Владелину чрез густые испарения преграждающие вход в ковчег, передал ее духу, и теперь подняв голову, глядел на малую каплеобразную крупинку, замершую в небесах и виденную лишь Зиждителями да девочкой.

Маленькая Владу очутившись на воздухе наконец-то глубоко вздохнула, потому как дотоль она дышала неприметно так, будто и не была живой. Да тотчас открыв глаза, порывисто закачала своими черными вздернутыми ресничками, а после прошептала:

– Вуечка, что случилось? Как Злат, Стогость, Брат?

– Много лучше, чем мы с тобой, лапушка, – чуть слышно проронил в ответ Выхованок. – Они живы, не тревожься за них. Почему, почему ты не убежал? – горестно спросил он девочку и спустил ее вниз, как она того попросила.

Владелина, ступив на каменное полотно площади, тягостно покачнулась, подобно хворому человеку, какового долгие дни мучил жар, а после, сделав малый шаг вперед, слегка перекосила лицо.

– Боль скоро иссякнет, – долетел сверху неспешно молвленный глас Дажбы. – Стоит сделать тебе, Владелина, пару шагов.

Девочка стремительно повернулась, и, увидев себя подле лестницы, и Бога в ее завершие, обок клубящейся завесы, за оной как ей, казалось, прятался тот самый манящий, далекий зов, струющийся из черного марева неба, округлив свои глазенки, надрывно поспрашала:

– Я, что был там? Там в ковчеге? – и враз ощутила невыразимую пустоту внутри головы от столь желанной, но так нелепо осуществившейся мечты.

– Да, – негромко молвил Выхованок. – Ты была там, но лучше того бы и не было никогда, – последние слова дух, по-видимому, не сказал, а лишь дохнул оттого отроковица их и не услышала.

Она все еще недвижно стояла ощущая внутри горечь оттого, что попав в ковчег не смогла узреть неба, напоминающее ночное, одначе, несомненно, иное... более безмерное и одновременного близкое, родное. Совсем чуть-чуть девочка глядела на Бога, а после внезапно тягостно содрогнулась, оно как, переведя взор, увидела в полупрозрачном, округлом теле Выхованка, возле правой руки здоровущую с кулак сквозную дыреницу, чрез каковую теперь легко просматривалась устремляющаяся вверх широкая каменная лестница.

– Что это? – взволнованно вскрикнула отроковица, и, подняв ручонку, указала пальчиком на сквозное отверстие. – Вуечка! Это пакостное создание тебя ранило?

Глаза Выхованка, как допрежь того очи девочки, округлились заняв почти все пространство так называемого лица и в них крутнулись яркие спирали синего света.

– Что ты, – встревожено протянул дух. – Разве можно так говорить на Богов.

– Богов? – теперь голос Влады звучал изумленно. Она вскинула вверх свои угловатые плечики, пожимая ими, и добавила, – не знала я, что эвонто волосатое существо, напавшее на нас, есть Бог.

– Ах, ты про энжея, – успокаивая свое трепещущее естество, вроде подверженное дуновению ветра, откликнулся дух, и, ухватив юницу за локоток, да резво повертавшись, повлек за

собой. – Пойдем, – досказал он. – Пойдем лапушка, Боги велели тебе отдохнуть после всего, что ты пережил.

Девочка безвольно дернулась вслед за духом, однако все ж обернулась и бросила прощальный взгляд на ковчег и утопающего в дымчатой завесе проема Дажбу, словно завидуя тому, что он может зреть те дали небес и находить в них успокоение.

К неширокому жилищу Выхованка, четырехстенному, двухскатному с бревенчатым залобком, были прирублены слегка выступающие вперед узкие сени, в каковых стояли большие да малые ведра, бочонки и всякий мало-мальский надобный скраб. Короткая подстать росту духа дверь, открывающаяся наружу, вела в одну комнату, в стенах которой располагались четыре узких окна. Два напротив двери и по одному более широкому на каждой из стыковых стен. Слева от двери за узкой матерчатой завесой ограждающей квадратом угол избы находилась куть, проще говоря, кухня. С таким же узким столом, полками на которых поместились чугушки, мисы да какие-то маханькие бочкары с травами. Саму снедь готовили на дворе, в нарочно приспособленной под навесом для того каменной печурке. Оно как климат в поселении в течении лето был сравнительно жарким. С другой стороны от двери стояла широкая деревянная кровать на оной почивали Влад, Злат и иноредь Брат. Супротив двери широкий массивный стол на полозьях, чтоб легко передвинуть и две переносимые лавки. Помимо тех узких лавок, повдоль стены были укреплены более широкие. Они проходили углом начинаясь от кути, и, завершались под одним из окон противоположной выходу стены, на них почивали Стогость, Миронег и Ратша. Подле ложа располагался здоровущий деревянный рундук с крышкой на навесах, где вуй хранил вещи ребятишек. На рундуке стоял полный воды ушат, а невысоко над ним в стене находился укрепленный, многолепестковый металлический светец со вставленными в него несколькими лучинами, тонкими длинными щепами сухого дерева.

Выхованок и, все поколь покачивающаяся, Влада войдя в избу, узрели, молча, сидящих около стола иных членов своей семьи. На дворе уже посмурело, отправившийся на покой только сейчас день угасал, а вместе с ним закатилось за горизонт солнце, покуда зарясь на поселение краешком своего коловидного тела, потому в избе уже стемнело, впрочем, горящие лучины озаряли ее бледно-желтоватым светом. Дух, ступив ближе к столу, выпустил руку девочки и весьма сердито дохнул на замерших мальчишек:

– Почему, почему вы нынче струсили?.. и бросили Владу одну?.. Одну с энжеем, каковой мог его убить, если бы не Боги! Зайцы, дубины, пакости все вы... все... все!..

Дух не просто выдыхал те слова, он их выплескивал с такой силой и гневливостью, что они ударялись об лица мальчишек, подобно звонким пощечинам. И не только щеки виноватых, но и не виновных ребят зарделись, запылали краснотой, а в глазах выступили слезы. Отроки, плотно сжав губенки, не смея отвести взгляда от лица Выхованка, молча, сносили побои, а дух меж тем все также гневливо ронял слова и пощечины:

– Дубины, зайцы, пакости из-за вашей трусости Влада! мой Владу чуть не погиб! Трусы, зайцы, дубины, пакости! – Не унимался Выхованок, попеременно величая Владелину то мальчиком, то девочкой. – Почему убежали? Надобно было схватить палку и отбить мою лапушку! Почему лишь Владу показал свою храбрость, выручая вас, почему не убежал, а ведь мог.

Дух нежданно смолк, голова его наново крутнулась, свершив полный оборот, руки упали вдоль тела и он вроде тряпичной куклы, кою творил для своих ребятишек согнулся, кажется, коснувшись полупрозрачными лицом ушата с водой.

– Вуечка! – пронзительно вскрикнула Влада, и, подскочив к Выхованку, уткнулась головой в его изогнувшееся тельце и в миг точно осевшие книзу ноги. – Прости, прости их и меня!.. Прости, не серчай! Прощу не серчай на нас!..

Дух также стремительно испрямился и враз став выше на голову, повернувшись к девочке, прижал к себе ее вздрагивающее тельце и уже менее гневливо и тише молвил:

– Нет! Нет Владу, ты ни в чем не виноват. Лишь они, трусливые зайцы. – И Выхованок лучистостью света выпорхнувшего из очей ослепил сидящих мальчиков. – Ступайте все спать! И на лавки... на лавки! На ложе почивать будет теперь только Владу.

– Нет... – прошептала юница и чуть слышно всхлипнула, подавляя в себе, желающие выскочить слезы.

– Так велел Зиждитель Огнь, – торопливо пояснил Выхованок, словно страшась, что по его вине заплачет столь дорогое ему дитя. – Не я, а Зиждитель Огнь. Он запретил иным мальчикам спать подле тебя. Они того не заслуживают, – проронил он мгновения погодя, верно, добавив это от себя.

– Зиждитель Огнь? – взволнованно переспросила отроковица, ощущая внутри себя неумное желание видеть Расов и еще большее мечтание, также почасту возникающее, прикоснуться к ним.

Владелина немного отступила назад от духа и уставилась в его голубые глаза, своими и вовсе в не яркости света кажущимися почти карими очами, словно жаждая заглянуть в самую его суть.

– Да... днесь, – чуть зримо колыхнув телом, откликнулся Выхованок. – Днесь эти поганцы, дубины улягутся и я все!.. Все тебе расскажу моя лапушка, все!..

А поганцы уже спешно раскатывали на лавках узкие тюфяки набитые соломой. Стелили тонкие льняные простыни, укладывали небольшие набитые пухом подушки и торопко снимав с себя дневные рубахи и поршни, улеглись почивать, укрывшись лоскутно-тканевыми одеялами. Одначе, так как ноне на лавках спали не три, а пять ребятишек, то место значительно уменьшилось и неким из них даже пришлось поджать ноги... и прикрыть голову одеялом, абы схорониться от гнева духа.

– Им тесно, – жалостливо оглядев товарищей, сказала Влада.

– Ничего, ничего, поспят... Это продлится недолго, завтра им будет просторнее спать, – тотчас отозвался Выхованок и придерживая девочку за плечо повел ее к большущему ложу, на оном с этих пор она должна будет почивать одна. – А покуда... – и дух негодующе блеснул очами, в сторону зашевелившегося и выглянувшего из-под одеяла Миронег. – Пушай так поспят, в наказание за свою трусость.

– Пусть нынче спят со мной, – вопрошающе протянула Владелина, зная, что столь трепетному колыханию ее голоса вуй не разу не отказывал. – А завтра, – дополнила она, чуя, что коли испросит то у Выхованка нынче, на утро, он перестав гневаться все оставит как прежде. – Будет, как велишь ты.

– Нет! Нет! – Впервые отказывая просьбе отроковицы, отозвался вуй. Однако узрев как порывчато дернулись губы Владу, пояснил, – не я... Не я, а Зиждитель Огнь так повелел... Я не могу нарушить его волю. Я и так уже наказан из-за просьбы Димургов... теперь не посмею. И не проси лапушка, не проси, – едва слышно дохнул Выхованок, и принялся снимать с девочки рубаху и развязывать поршни.

– Вуечка! – оглядывая снятую рубаху и свое тело, произнесла негромко отроковица. – А где повязка, – и указывая на неприкрытые бедра, пожалала вздернутыми кверху худенькими плечиками, кособоко выпирающими угловатым навершием костей. – И рубаха... рубаха, где моя красная... пошто на мне надевана эта? Я ж утром уходил в красной.

– Она порвалась и Батанушко принес тебе рубаху своих вскормленников, – ответил дух и суматошливо крутнув головой, обозрел зараз весь дом и почивающих ребятишек. А углядев перекосившееся на сторону от удивления лицо юницы, дополнил, – так Зиждитель Дажба велел. Велел Батанушке принести тебе одежду, он и принес.

– Надеюсь, эта рубаха не Граба, – протянула Влада.

Девочка торопливо подняла вверх руки, чтоб духу было удобнее повязать на ее стане льняную, белую повязку и скрыть то, чем она так отличалась от иных ребятишек поселения.

– Нет не Граба, – благодушно протянул Выхованок, успокаивая свою любимицу и надел на нее ночную рубаху.

Владелина сдернула на сторону легкое одеяло и полезла на ложе. Она положила голову на подушку и устало потянулась, распрямляя ручки и ножки. А дух согнув нижние конечности в том месте, где должны были у него иметься коленки, значимо уменьшился в росте, таким образом, что голова его слегка нависла над юницей. Он протянул длинные руки, заботливо прикрыл ребенка одеяльцем, и весьма медлительно обвел взором свою избенку, примечая крепко почивающих мальцов, раскидавших и сложивших ноги на подушки соседей. Лишь засим вновь воззрившись на девочку, также сомкнувшую очи, дух ласково протянул:

– Лапушка, открой глазки.

– Вуй! Может завтра... я так устал, – отворяя очи и плюхая ресницами, отозвалась юница да махонисто зевнула. – И у меня все еще гудит голова, и, кажется, что рот потянули в сторону.

– Это пройдет, пройдет, – молвил Выхованок, нежно проведя пальцами по щеке и подбородку своего пестуна. – Но поговорить мне надобно с тобой сегодня. Потому как завтра у нас в семье кое-что изменится.

– Ты про то, что Злат и Брат не будут со мной более спать? – спросила отроковица и уже более заинтересованно зашевелилась на ложе.

– Не только про это... – еле слышно выдохнул Выхованок и малеша помедлил, точно набираясь храбрости. – Я хочу тебе кое-что поведать. Так велели Зиждитель Огонь и Зиждитель Дажба... Боги... Боги так велели. – Многожды раз прерываясь принялся пояснять дух, поглаживая девочку по волосам и тем самым ее успокаивая. – Боги велели, чтобы ты осталась жить в нашей избе только со мной. Завтра мальчишки уйдут из нашей семьи, в семью Батанушки. – Глаза юницы махом увеличившись, взволнованно остекленели, рот широко открылся, и она чуть слышно простонала. – Посмотри, посмотри мне в очи, не отворачивая своего взора. Позволь тебе это показать, – прошептал дух.

Отроковица малозаметно кивнула и тотчас глаза Выхованка ярко засветились и в той чарующей глубине появились нитевидные лучи, густо запылавшие черно-синим светом. Они, враз спиралевидно свернувшись, закрутились в одном направлении, и маленькая девочка увидела широкую комнату с белыми стенами и высоким потолком, уходящим и словно теряющимся в какой-то незримой дали. Гладкие, стеклянные стены колыхая, испускали из себя блеклый желтоватый свет. Посредине той то ли округлой, то ли овальной комнаты поместилось чудное устройство. В наверхие одной высокой ножки, прозрачной и единожды переливающейся малыми разноцветными искорками, находилась большущая половинка яичной скорлупы, с тонкими не шире пальца стенками, и весьма ровными краями.

– Отец будет недоволен нами, Воитель, – прозвучал раскатисто голос Дажбы, наполнивший не только саму комнату, но и ее необычный свод.

– Он будет недоволен мной... ни тобой, ни Огнем... чьи силы останутся не тронутыми, а лишь мной, – прозвучал басистый глас Воителя. – Если я не приложусь к мальчику днесь, он умрет вmale. Выхованок его не выходит, у него нет таких способностей, да и вряд ли успеет. Владелин очень пострадал, погляди голова, лицо, рука, нога... и в целом тело. Его могут спасти токмо дочери Седми, аль бесицы-трясавицы, но первых тут нет, а до вторых мы вряд ли успеем его доставить. Потому либо я, либо мальчик умрет... Мы не сможем переместить его на твое космическое судно, на хурул, поверь мне, мой милый малецык, просто не успеем... Он не перенесет еще одного перемещения в пространстве, даже если это сделаю я. Однако после того, что он сегодня свершил, я хочу, чтобы он жил! Хочу, чтобы жил! И для того сделаю все!

– Отец все равно будет недоволен, – сызнава проронил Дажба и ощущалось исходящая от Бога неуверенность.

– Дажба, покуда нет Небо и Дивного, у нас есть возможность спасти мальчика... – произнес Воитель и нетерпение в его голосе увеличилось, точно он был не в силах сносить наблюда-

емые им страдания ребенка. – Неужели ты позволишь ему умереть. Если мальчику не помочь сейчас, он вмае умрет. Посмотри он захлебывается кровью... едва дышит, бедное дитя. Вне сомнений у него пострадали внутренние органы. А Небо... Небо, это не Перший, он ни за что, уж поверь ты мне, не позволит ему помочь, тем паче приложиться.

Боги смолкли, и тогда послышалось надрывистое стенание маленького существа, искалеченного и тяжелое с тихим посвистом его дыхание.

– Выхованок положи Владелина в кувшинку и раздень его, – наконец сказал Дажба, обращаясь к замершему духу, сжимающему в руках окровавленное тело своего вскормленника. – Выхованок, ты, словно не слышишь меня... Что я тебе велел, – голос Бога, многократно увеличившись, волной ударился о прозрачное тело духа и вызвал легкое его трепыхание.

Дух, нежно прижимая к себе Владу обряженную в красную, местами разорванную и залитую кровью рубашку, торопливо подступил к половинке скорлупки. Еще мгновение он точно раздумывал, а после, однозначно решившись, положил в ложбинку скорлупки ребенка, и спешно снял с него оборванную рубаху, поршни и повязку прикрывающую бедра. И немедля оголилась изломанная правая рука, кость которая в нескольких местах прорезала плоть и теперь зарилась острыми своими краями. Свернутой на сторону смотрелась правая ступня, будто оторвавшаяся от всей остальной ноги, пузатились в правом боку поломанные ребра, чуть зримо прорезавшие кожу, и неестественной формы была вывернутая на бок нижняя челюсть. Дажба сделал шаг вперед и навис своим высоким телом над устройством чуть слышно дохнув:

– Вот те на... Владелин не мальчик.

– Как не мальчик? – послышался изумленный бас Воителя.

Бог ступил вперед, и тем движением вытолкнул с дотоль занятого места духа, который суетливо склонился, и, предусмотрительно скоро на четырех конечностях миновав ножку устройства, оказался с иной стороны кувшинки. По-видимому, Воитель засмеялся, оно как внезапно комната с высоким, бездонным сводом затряслась и где-то там в ярчайшей, белой ее вышине лучисто блеснула серебряная полоса.

– Девочка, – голос Воителя многожды умягчился. – Теперь понятно, почему Выхованок тебе, мой драгоценный, его... вернее ее не отдавал.

– Как же так... девочка, – совсем тихо молвил Дажба, и, повернув голову, посмотрел блеснувшими удивлением голубыми очами на старшего брата. – Что скажет Отец?

– Услышим, это погодя, – отметил весьма бодро Воитель. – А покуда, Отцов нет! я подарю ей свою клетку... За ее беспримерную отвагу и сияющую искорку.

И Бог протянул вперед свою руку, широко расставил пальцы над израненным и каким-то словно исхудавшим тельцем девочки. На миг в комнате наступила тишина такая, что послышалось, как надсадно вздрагивает своим маленьким телом потерявшая сознание Владелина оказавшаяся девочкой, а не мальчиком, как о том думали все кругом. Рука Воителя широколадонная с тонкими, длинными пальцами, охваченная сверху бело-золотой кожей и зримыми чрез нее оранжевыми паутинными кровеносными сосудами, ажурными нитями кумачовых мышц и жилок, внезапно покачнулась. Затрепетало под ней золотое сияние, а по оранжевым сосудам пробежала стремительной волной юшка. Она, будто отхлынула от оголенного плеча Бога, верно вынырнув с под белой рубахи, и достигнув кончиков пальцев замерла. И тогда весьма лучисто озарилась сама кисть, проступила, точно лишившись кожи и плоти, смаглая кость с мельчайшими вкраплениями в ней насыщенного цвета огненных брызг. Те манюсенькие искорки враз блеснули своей светозарностью, теперь осенив и лежащую в половинке скорлупки Владу. Еще мгновение, и одна из огненных брызг отпрянув от кости, притулилась на тонкую кожу длани, просочившись сквозь теперь явственно проступившую медно-желтоватую плоть, да вмае сорвавшись с нее, направила свой полет к ребенку. По мере ее движения к скорлупке, из ровных граней последней единожды вылезли мельчайшие, округлые крохи, оные принялись, набухая, выбрасывать из себя нитевидную поросль света. Тончайшие волоконца незамед-

лительно начали переплетаться меж собой, образуя нечто похожее на полотно пухового платка. Вскоре огненная искра, дарованная Воителем, упала на тельце Влады, и одновременно ажурные волокна сочленившись, свили над скорлупкой непроходимую сеть. Она неспешно опустила своей тончайшей серединой вниз и едва коснулась ребенка, а после также медленно воспарила кверху. Закачалась ажурная сеть то погружаясь вниз, то сызнова взмывая вверх... туда-сюда... вниз-вверх... туда-сюда, вроде раскачиваясь. Полотно наново приподнялось ввысь, да только на этот раз весьма высоко так, точно желая сформировать иную половинку сколотого яйца, да немедля замерло... то ли окаменев, то ли лишь застыв. Еще морг той неподвижности, и тончайшее, ажурное убранство вздрогнуло, али сие вже качнулось образовавшееся яйцо с вытянутой формой в одном конце и соответственно тупом в противоположном. И также резко, переплетенные нити излучили из себя еще более тонкие волокна, которые слившись с соседними воедино сформировали общую поверхность скорлупы полного яйца, по цвету едва желтоватого. Засим яйцо сотряслось и выпустило из своих желто-прозрачных стен густой, белый белок, в каковом, колыхаясь, поплыл ребенок. Ярко-красный изгибающийся тонкий змеевидный отросток выполз из верхней стенки яйца и своим заостренным кончиком вонзился в живот девочки, как раз в то самое место, где у нее небольшим углублением поместился пупок. Влада широко открыла рот и глаза, раскинула в стороны руки так, что они коснулись стенок кувшинки, и закачалась вправо-влево, словно желток плавно плавающий в белке в серединке яйца.

– Лапушка! – позвал Выхованок юницу.

Девочка поспешно потрясла головой, избавляя себя от переданного ей видения, и сызнова узрела себя в избе, лежащей на широком ложе. Тугая смурь коснулась лба Влады, и сызнова невыносимо мощно захотелось дотронуться до Богов... И тем касанием погасить явственно прозвучавший в голове зов... зов ожидание... зов кликающий ее всяк раз, когда она смотрела на капельку света в небе. И то томление было таким сильным, что жаждалось кричать... громко... громко... зывая к тому, кто там... там в небосводе так призывно любил и ждал ее.

– Зиждитель Воитель, – перебив желание и томление, возникшее в отроковице, пояснил дух, и глаза его приобрели положенный размер, перестав светиться. – Потому что Бог любит отважных и смелых, он даровал тебе здоровье и жизнь. Он обещал подарить тебе еще одну вещь... весьма надобную, каковая будет защищать твою жизнь, а взамен того... в благодарность. – Выхованок говорил с трудом, похоже, снова переживая произошедшее или просто тягостно подбирая слова. – Ты должен слушаться Богов. Слушаться и исполнять указанное ими. Ты будешь? – Отроковица суматошно кивнула и дух узрев то согласие молвил уже более бодро, – потому завтра, когда мальчики уйдут жить к Батанушке...

– Нег! – столь мощно сказала девочка, что дух затрепетал всем своим естеством.

– Уйдут, – несмотря на собственное трепыхание, уже много настойчивей проронил Выхованок. – Так велел Зиждитель Огнь.

– Бог Огнь не спасал меня, это Бог Воитель, – с нескрываемой нежностью произнесла имя этого Раса Влада, и ощутила сладость от тех звуков на своем языке.

– Зиждитель Воитель тебя спас... да, – дух положил на губы юницы свои пальцы, смыкая их и тем самым не столько повелевая, сколько выпрашивая его слушать. – Однако, с этого дня ты будешь во всем слушать Зиждителя Огня, ибо твой удел в его руках. Так велел Зиждитель Небо. Мальчики уйдут, а мы останемся здесь в этой избе вдвоем. Потому что ты Влада не мальчик, а девочка. Да... да..., – узрев изумление в очах вскормленника протянул Выхованок. – Да девочка. Ты как наша коза Малена, будешь иметь детей. Будешь сама мать... потом, много старше. Ты не как мальчики, не как Злат, Нег... ты иная, девочка.

– Как девочка... мать... Я же мальчик, – откликнулась Владелина, стоило лишь духу убрать с ее губ руку. – Ты так всегда говорил.

– Я просто скрывал от тебя, что ты не как они, что ты другая, – едва слышно проронил дух и отвел свои глаза от лица юницы. – Я хотел, чтобы ты жила. Но ты всегда была девочка, такой родилась и такой продолжишь жизнь. Боги могли бы тебя не спасти, и тогда бы я не смог тебя излечить от тех страшных ран, не смог бы. Но Зиждитель Воитель, Зиждитель Огонь и Зиждитель Дажба вступились за тебя и потому ты будешь жить. Однако теперь многое изменится, и отныне твой удел будет зависеть от велений Зиждителя Огня, и, ты в благодарность должна быть послушна. – Выхованок резко встал, прекращая тем самым разговор с отроковицей, и добавил, с легким придыхом, – я прошу тебя.

– А если я не буду послушен Богу Огню, – строптивым голосом произнесла девочка и обидчиво хлюпнула носом намереваясь один-на-один с воем разреветься. – Это потому что я не убежал от той пакости меня наказали.

– Нет! Нет, не наказали, – немедля проронил Выхованок и заколыхалось все его полупрозрачное тельце. – Наградили! Наградили! Ты теперь будешь главенствовать над всеми этими мальчишками. Будешь жить один в этой большой избе, спать сам... сама на этом ложе. Сам Зиждитель Огонь беспокоится за твой удел, сам Зиждитель Воитель даровал тебе здоровье. Нет, тебя наградили... теперь ты будешь старшим... и ты первый, первая кто побывал в капище. И за все те дары, всего-навсе послушание вот, что надобно Богам и прошу я!

Глава девятая

Влада, несмотря на строптивый характер, воспитанная в определенной строгости, как и все другие дети, была послушна Богам. И не потому как их боялась, а потому как очень сильно любила, а девочка, кажется, любила Расов больше иных ребятишек. В ней порой возникало непреодолимое желание дотронуться до Богов, и ощутить зябь их бело-золотистой кожи. Владелине чудилось, что стоит Дажбе или кому другому из Расов погладить ее по голове, как тоска, каковая подолгу изводила суть, плоть отроковицы враз бы уменьшилась и, несомненно, прекратила, скрыла почасту слышимый зов. Впрочем, днесь принятое Богам решение вельми огорчило девочку. Владелину задело, что стараясь спасти мальчиков от пакости она вместо похвалы от Расов, вместо столь желанной ласки, снявшей бы томление и боль, почасту возникающую в голове, получила наказание, в виде отлучения от нее семьи.

Владелина уснула совсем затемно, когда Выхованок затушив лучины, ушел из избы, чтобы, как знала она, напиться... только не той едой, которую вкушали дети, а какой-то иной, особой, решив единожды не выполнять просьбу духа и непременно не быть послушной Богам. Когда наутро Выхованок объявил волю Зиждителей мальчикам и увел жить к Батанушке, собрав их немудреный скарб, девочка повалилась на ложе и громко зарыдала. Вуй не приходил вельми долго, по-видимому, понимая как тяжело его вскормленнику и не в силах ему... ей помочь. А когда вернулся, не подошел ко все еще вздрагивающей на ложе отроковице, принявшись бесшумно накрывать на стол.

В маленьком казанке он сварил любимице густого овощного рагу, и даже нарезал пшеничных ломтей хлеба (такая редкость для детей), налил теплого козьего молока.

Однако Влада к столу не пришла и даже не оторвала головы от подушки, сухо дохнув в сторону духа отрывистое: «Нет!»...

Это «нет!» Выхованок слышал несколько дней подряд. И хотя после двух дней голодовки перестало произноситься в отношении пищи, но повторялось в отношении всего иного. И даже в отношении наступающего дня Матери Зекрой, когда, как и всем ребятишкам, Владе надлежало явиться на праздник к капищу. Выхованок уже не мог справиться с потухшей от тоски и возросшей гневливости на не справедливых Богов девочкой, она стала переносить то неподчинение и душевную боль на духа. Вуй просил, просил... Он даже пытался повелевать. Но толь так сильно любил юницу, толь растерял всю свою строгость в тот вечер на мальчишек, никак не мог одолеть, успокоить или хотя бы ублажить Владу.

Утром в день Матери Зекрой Выхованок поднялся раньше обычного, что-то недолго готовил на дворе, накрывал стол, а когда отроковица пробудилась, радостно приветствуя тот подъем сиянием своих лучистых голубых глаз, принес ей ярко-желтую рубаху, такую какую никто из ребятни никогда не носил... и не просто не носил, а даже и не видел. Еще бы ведь в такой рубахе, только более короткой и насыщенно-желтого цвета, хаживал Бог Дажба. Когда дух показал ту рубаху, Владелина от восхищения ажно выронила из рук ложку и едва слышно вскрикнула.

– Ух, ты, вучка! – взволнованно проронила девочка.

Она мигом выскочила из-за стола, и, обежав его по кругу, замерла подле колыхающейся рубахи, долгой и обшитой по подолу и рукавам почти оранжевой нитью. Рукава на рубахе были не больно длинными и едва прикрывали локти.

– Это моя рубаха, моя? – восторженно спросила Влада, и, протянув в направлении рубахи руку легохонько огладила льняную материю.

– Твоя, – довольно завертев по кругу своей головешкой откликнулся Выхованок. – Я приготовил ее нарочно для тебя, лапушка, чтоб ты как солнышко горело среди мальчишек.

Девочка незамедлительно отступила назад, стоило духу сказать болезненное для слуха Владелины слово-мальчик. Ее нежное личико мгновенно сменило восторженный вид на огорченный, и она отрицательно мотнув головой, глухо проронила:

– Нет! Я не одену ее. Не хочу отличаться от других... Я и так иной... не мальчик, а этот противный девочек.

Руки Выхованка порывисто дрогнув, опустили вниз рубаху, а вместе с тем и весь он сам осел к полу избы, да протяжно задышал, будто застенал. А круглая дыра, появившаяся на теле духа после нападения энжея, тотчас заплюхала своими неровными краями.

– Я, я ее одену потом, вуй! Не на праздник, а погода, – молвила с горячностью в голосе юница, узрев как поник ее любимый дух и не в силах на то смотреть и переносить. – Потом... не днесь... Нынче буду как все. Хорошо?! Вуй, вучка! – протянула она с таким трепетом, вкладывая в величание духа, всю любовь какую верно должна была дарить многочисленной родне, коли бы она у нее была.

Отроковица еще малеша медлила, а после ступила ближе к Выхованку и протянула к нему навстречу руки, чтобы обнять и прижаться к близкому ей существу. Дух немедля ответил на тот порыв Влады и понимая, что она идет с ним на мировую, бросил рубаху на ложе стоящее справа, и спешно притянул к себе единственного оставшегося своего вскормленника.

Выхованок и Владелина немного погодя вышли из избы. Яркое солнце согрело, далекую для него, Землю роняя на нее свое ядреное тепло. Девочка все эти дни пробывшая в избе и выходящая оттуда лишь по нужде, вскинула вверх руки, и, задрвав голову, всмотрелась в поднимающуюся на голубой небосвод лучистую звезду. Она глубоко вобрала носом наполненный ароматами цвета и трав воздух, принесенный сюда со столь любимого ею луга, и улыбнулась. Еще миг Влада тянула к солнцу свои руки, а когда его лучи заиграли на ярко-желтой материи рубахи и словно отразились от вышитого подола и рукавов, радостно засмеялась.

– Нынче, – молвил Выхованок протягивая руку и хватая прозрачными пальцами ладонь девочки. – Я знаю, Зиждитель Воитель тебя одарит.

– Одарит... – негромко протянула юница, остро ощущая внутри себя тягу и неисчерпаемое тепло по отношению к этому Богу, вроде близкому ей не только духом, но теперь, кажется, и самой плотью.

– Да... одарит... ибо ты самая смелая в этом поселении. А Зиждитель Воитель вельми жалует храбрецов, – пояснил дух и огляделся, стараясь говорить так, чтобы его слышать могла лишь Влада.

А вокруг вуя и его вскормленника, вернее вскормленницы, по широкой мощеной колотым надвое деревом, где справа и слева поместились ничем не отличимые от Выхованского жилища избенки, суетились иные духи, выводившие свои семьи и спешащие занять положенные им места на площади. Когда Выхованок и Владелина пришли к капищу то первые лавки уже были заняты членами семьи Батанушки, в каковую ноне добавились товарищи отроковицы. Ребятишки сидели на первой лавке, понуро опустив свои светловолосые головы, уставившись взорами в каменное полотно площади. Выхованок замер подле бывших своих вскормленников, лишь миг помедлил, а после строго молвил:

– Стогость освободи Владе место.

Отрок поспешно вздел голову и также торопливо вскочил на ноги, намереваясь исполнить указанное.

– Стогость, сядь туда, где сидел, – весьма сурово дохнул Батанушко немедля возвратившийся из прохода промеж лавок к членам своей семьи.

– Тут всегда сидела Владелина, – суетливо проронил Выхованок и с каким-то испугом воззрелся на Батанушко.

– Здесь сидел Владелин, а не Владелина, – делая особое ударение на последний слог, молвил Батанушко и блеснул лазурью своих очей. – А Влада... девочка. Влада сядет на самую дальнюю лавку, как и положено женскому роду, занимать место позади мужей.

Выхованок чуть зримо затрясся, точно не в силах слышать слова старшего духа и наново повесил голову.

– И ты, Выхованок, строптивец и позор нашего племени отныне знай свое место, – добавил Батанушко и к нему враз подступили со всех сторон иные духи, также осуждающие непослушание своего собрата.

Девочка, стоящая справа от своего пестуна, надрывно задышала и ей показалось, что в гневливых словах духов прозвучала раскатистая пощечина, гулко ударившая любимого Выхованка по одной, а морг погодя по иной щеке. Владелина порывисто сжала свои маленькие ручки в кулаки, и, шагнув вперед, горько и единожды звонко крикнула, обращаясь не только к Батанушке, но и другим осуждающим вую:

– Я! Я буду сидеть там, где посчитаю нужным опуститься! И это не ты Батанушко будешь решать! – отроковица резко выкинула вверх, направляя в сторону духов свой кулак, будто намереваясь расправиться с ними со всеми махом. – Не тебе дух того решать, а только мне! Но только ведаю я еще кое-что... Никогда! Слышишь никогда! – девочка на миг захлебнулась негодованием, и лицо ее сделалось густо красным, тугая боль ударила в лоб, и из правой ноздри выкатилась одинокая красная капля крови, стремительно улетевшая вниз и впавшая подле носка поршней. – Никогда не смей указывать моему Выхованку, а то я... я... Я тебя!..

Юница также стремительно стихла и теперь уже два кулака направились в сторону Батанушки, верно, еще мгновение и она кинулась бы на духа. Горячая волна обиды, словно разразилась в воздухе, и глаза духов такие глубокие и большие затрепетали от человеческого гнева, на чуток превратившись в чуть просматриваемые щели.

– Владелина! – то уже звучал мягкий баритон Дажбы, по-видимому, духи узрев Бога, испугались посланной именно им волны.

Отроковица резво обернулась, и, глянув на медленно спускающегося с лестницы Раса, враз искривила свое личико, по нему заплясала, заходила ходором болезненно изменяющаяся рябь. И резко сорвавшись с места, она побежала по широкой улице к своей избе на ходу расталкивая еще не успевших разместиться ребятишек, приболжно ударяя кулаками их в грудь или животы.

– Владу! – потянулся вслед за ней колыхающийся голос Выхованка.

Да только девочка не слышала зова вую, она скоро бежала, переставляя обутое в поршни ноги, по деревянному настилу дороги минуя не тока избы иных семей, но и свою. Длинная, нарядная рубаха мешала юнице, останавливая ее быстрое движение. Внезапно она и вовсе запуталась в ногах. И Владелина, точно подскочив вверх, пролетела вперед пару шагов, и, упав, болезненно ударилась о деревянный настил подбородком. Плотно застилающие глаза слезы выплеснулись на щеки, смочив их своей соленостью, тугая боль ударила в лоб, вроде надавив на кости черепа изнутри.

– Владу! – раздалось в шаге от отроковицы.

И ласковые руки духа подняли вскормленника на ноги, прижали к себе, снимая томление с головы.

– Я уйду, – вытирая ладонью лицо от слез, молвила отроковица. – Уйду из поселения... Днесь... Разве я свершил, что-то плохое... спасая мальчиков от той пакости. Так почему же меня наказывают? По первому забрали братьев, а теперь обижают и тебя. – Юница говорила ту речь часточко прерываясь, выплескивая не просто слова, а целые фразы.

– Нет! Меня не обижают, – чуть слышно отозвался дух ласково голубя волосы отроковицы. – Я это заслужил. Я ослушался Богов... поступил не верно... не должен был так посту-

пать. В том повинен лишь я, но не ты... Не ты, лапушка, и ты не должна говорить такие страшные слова... Уйдешь... Куда? Куда?

– В лес, – звонко откликнулась девочка, вдавливая живот духа вглубь его тела своей головой. – Уйду в лес. Убегу и буду там жить! Одна! Одна! Раз я иной... тогда и место мое иное. Уйду! – и юница резко дернулась в сторону, словно намереваясь исполнить прямо сейчас свою страшную угрозу.

– Нет! Нет! – зашептал Выхованок, при том весьма крепко удерживая девочку. – Пойдем! Пойдем к капищу, там...

– Нет! Не пойду к капищу! Не пойду! – выплескивала Влада свою боль, каковая переполнив ее голову, сызнава вынырнула кровавыми каплями из обеих ноздрей, да стекла по губам и подбородку, упав на прозрачное тело вужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.